

Гай Юлий Орловский

Фич@рф

Длинные Руки —
вильдграф

Охота
на магов
началась!

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные
Руки – вильдграф
Серия «Ричард Длинные
Руки», книга 23

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=261012
Ричард Длинные Руки – вильдграф: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38906-3

Аннотация

Гандерсгейм – таинственный край, откуда постоянно угрожают королевству Сен-Мари. Но вторгаться крестоносному войску вслепую опасно, потому сэра Ричарда быстро и умело, пользуясь своими особыми умениями, составляет подробнейшую карту дорог, мостов, переправ, крепостей, городов...

Попутно завязывает связи с ограмми, троллями и кентаврами. Осталось только подвести могучее рыцарское войско к границам. Есть ли сила, способная помешать вторжению?

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	50
Глава 5	59
Глава 6	78
Глава 7	92
Глава 8	105
Глава 9	116
Глава 10	131
Глава 11	142
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные

Руки – вильдграф

Все, что Господь делает, делает хорошо. Хоть и непонятно.

Ричард – вильдграф

Часть 1

Глава 1

Ярл Растенгерк, как и я, провожал беспомощным взглядом рыдающую принцессу Вики. Мириам ушла следом и с силой захлопнула за собой дверь, король со страдальческим лицом смотрел вслед дочери. Я попытался, чувствуя себя лишним, со скрипом царапнул шипами на голове и гребнем шеи верх слишком узкого для меня дверного проема.

Как только оказался вне зала, жаркое солнце принялось с жарким сочувствием прогревать костяные плиты по всей спине. Шипы по хребту красиво заискрились, приятный жар во всем теле начал вытеснять горечь и неприятное чувство,

что незаслуженно обидел двух чистых замечательных девушек. Лапы поспешно изготовились метнуть грузное тело вверх, а там по воздуху мощно ударят жилистые перепончатые крылья и швырнут меня еще выше, пока внизу облачное поле не покажется заснеженной равниной. Я сделал все, что мог, кто умеет лучше – пусть делает... И пусть ухитрится сделать меньше ошибок, если такой умный.

Голос ярла прозвучал сбоку, как жужжание комара, на которого можно не обращать внимание:

– Господин дракон...

Я проревел нетерпеливо:

– Что еще?

– Я не хотел бы, – произнес Растенгерк, – выглядеть обманщиком.

Он опустил взгляд, коричневое от загара лицо дрогнуло, и хотя солнечные лучи бьют с такой силой, что глазам больно, Растенгерк помрачнел, словно на него пала густая тень от грозовой тучи с дождем и градом.

– Вы были правы, – проговорил он, стараясь не отводить полные стыда глаза, – насчет моего положения в племени...

– Еще бы, – прорычал я. – Конечно, я прав всегда. Кроме тех случаев, когда не прав. И что там в племени?

– За эти десять лет, – сказал он, – власть перешла к моему брату, но он погиб, затем к младшему, нас трое, однако вожди сумели его сместить... Ассиры – это не племя, а союз, и хотя мы всегда выступаем, как одно целое, голос племенных

вождей звучит громко и значит для нас много.

Я ощутил сильнейшее желание сесть на землю и почесать, как собака, задней левой за правым ухом. Десяток воинов рассыпались по краям площади, челядь то и дело выглядывает из окон и дверей испуганно, как суслики из норок. Все стараются держаться подальше, дракон есть дракон, кто знает, что у него на уме, вдруг укусит. Растенгерк серьезен и бледен, как покойник, но выпрямляет спину и старается не показать, как сильно нуждается во мне, гордость не позволяет, совсем не умеет врать здешний народ. Я могу и с охотой бы научил, врать – это признак цивилизованности, но некогда, некогда.

– Это меняет многое... – пробормотал я. – Но, надеюсь, не помешает вашему браку?

Он медленно опустил голову.

– Для Мириам мое положение ничто не значит.

Он бросил быстрый взгляд в сторону нахмурившегося Франсуа Меченого. Его Величество, хоть и не смотрит в нашу сторону, однако подобрало губы, лицо стало строгим и требовательным.

Я прорычал сочувствующе:

– Отец у нее не просто родитель. Любой рекс старается браком укрепить свои владения. Так не просто принято, а... разумно. Впрочем, тебе не понять, ты ради любви бросил все на свете... Сочувствую, но... зато у вас любовь! Что-то теряем, что-то находим. Разве найти ее не важнее, чем сесть

на трон объединения ассирских племен?

Растенгерк наконец поднял голову и посмотрел исподлобья. Во взгляде недоверие, серьезно ли говорю, дурак какой-то, а не дракон.

– Да, господин дракон, – проговорил он. – Что ж, буду стараться найти свое место в этом... изменившемся по моей вине мире. Спасибо, что выслушали. Я просто хотел предупредить...

– О чем?

– К сожалению, можете рассчитывать только на мою личную преданность и поддержку. За Мириам я для вас сделаю все!

Я прорычал:

– В ваших племенах власть выборная?

Он молча покачал головой. Франсуа наконец повернулся к нам, тоже мрачный, как туча с градом.

– Вы уже поняли, – буркнул он, – наследственная.

– Просто хотел убедиться, – ответил я. – А племя... вернее, объединение, велико?..

– Одно из самых крупных, – заверил Растенгерк. На короля он старался не смотреть, чтобы и того не ставить в неловкое положение. – Но мне туда лучше не соваться.

– Вам придется нелегко, – посочувствовал я. – Однако у меня дела...

– Нужно отбыть именно сегодня? – спросил он.

Я прорычал:

– У меня несколько дней в запасе. Но я еще не посмотрел места обитания кентавров, огров и троллей, которых вы сумели привлечь даже в войско. Это удивительно. Мне очень надобно знать, как вы это сделали. В других странах сотрудничество с нелюдьми кажется немыслимым. Как вам это удалось?

– Я могу показать вам их земли, – предложил он. – Нет, только кентавров!.. Я бывал возле тех мест. Я даже знаю, откуда приходят тролли, что были в нашем войске!..

– А огры?

– Огры, – сказал он неохотно, – не знаю. Это горный народ, а мы – степняки.

Я поинтересовался:

– Но откуда-то огры услышали про ваш великий поход?.. И кто-то уговорил их присоединиться?.. Не думаю, что это просто. Огры, как я слышал, нелюдимы.

Король кашлянул, лицо недовольное и в то же время несчастное, пробормотал нехотя:

– Ходят слухи, их призвал волшебник Сьюманс.

– Да, – подтвердил Растенгерк. – Я слышал тоже. Хотя волшебникам вроде бы нет дел до нашего быта.

Я поинтересовался:

– Этот волшебник в пределах досягаемости?

Король пожал плечами, Растенгерк ответил быстро:

– Тоже в горах. Но недалеко.

– Кто-нибудь знает, где именно?

– Я знаю, – ответил он и прямо посмотрел мне в глаза.

Я подумал, буркнул:

– Хорошо. Я сэкономлю время на поисках, если покажете мне дорогу к этому колдуну. А я подумаю, чем могу помочь вам... если это меня не затруднит... слишком. И не отнимет времени. У меня не больше недели в запасе. Но отсюда надо убраться немедленно.

Он зыркнул на меня исподлобья.

– Я понимаю вас, господин дракон. Я все покажу. Но надо предупредить Мириам...

– Нет!

– Хотя бы попрощаться...

– Нет! – отрезал я еще резче.

– Но почему?

Я пояснил зло:

– Не знаю, какой из вас лев, но Мириам – львица. Она вскарабкается на мою спину раньше вас. Так что ваши слова любви и возможной верности ей передаст Его Величество. Передадите, Ваше Величество?... Ну вот, а вы говорите, короли всегда врут. Мириам будет больше уважать вас, если сумеете оторваться от нее в такой день ради долга и чисто мужских дел!

Он растерянно смотрел в сторону двери. Я хмыкнул и повернулся в сторону площади для разбега. Воины и слуги указывали в мою сторону пальцами, я в ярком солнечном свете сверкаю, как начищенный слиток металла, мои лапы сделали

первый шаг, ярл с внезапным криком решимости бросился ко мне, схватился за колено, но я мстительно начал разбег, и ему пришлось с трудом на ходу карабкаться на спину и цепляться там за острые шипы гребня.

Я мощно оттолкнулся всеми четырьмя и взмыл в воздух. Крылья ощутили тугие струи воздушного океана, их распластало так, что прикрыли тенью королевский двор.

Ярл прижался к костяным плитам спины всем телом, я чувствовал, как дрожат руки, а пальцы впились в щели с такой силой, что вот-вот прорастут туда корнями.

– Я держусь, держусь! – крикнул он. – За меня не беспокойтесь!

– Там есть веревки, – проревел я.

– Нашел, – ответил он.

– Больше не отвлекай, – рыкнул я. – Мыслить буду.

– Хорошо, господин дракон!

Все еще злюсь, снова кому-то помогаю, хотя на самом деле больше потакаю себе, но лучше бы только себе, не влезая в мелкие человеческие страстишки. Вообще-то говорю и думаю, как заправский дракон, но если по правде, то любой мыслящий человек... или нечеловек, неважно... должен презирать мелкие страстишки и уважать стремление к великому. Я вот уважаю и стремлюсь, но только ничего для этого не делаю... хотя это уже мелочь. Важно стремление, а не результат.

В предвкушении, что скоро увижу Бранд и обниму

Дженнифер, я шел так, словно и нет плотной стены воздуха. Встречный ветер ревет в ушах, а я мчусь, как исполинская живая стрела, пугая скользящей внизу тенью птиц и отдыхающие стада грациозных газелей.

Ярл держится тихо, осваивается, молодец, все-таки первый полет на драконе, но мужчины всему учатся быстро, это женщинам нужно повторять долго и много раз, но зато они и запоминают лучше. Я иногда поглядывал на него, не поворачивая головы, выпуклые глаза позволяют видеть и то, что сзади, синхронизировать два изображения в одно не приходится, просто угол зрения шире, иначе бы просто рехнулся.

Земля внизу тонет в радостном солнечном блеске. С этой высоты кажется, там мертво или хотя бы безлюдно, одни камни, но присмотревшись замечал, как облачко сдвигается по долине, это очередное несметное стадо овец меняет пастбище, вон там зелень чересчур ровными квадратами, чувствуется рука земледельцев, недавних кочевников...

В лощинах крохотные яркие точки шатров, можно разглядеть даже места кострищ. Возле колодцев обычно все вымощено камнями, чуть дальше всегда буйная зелень...

Несколько раз внизу проплывали станы кочевников по сотне шатров, я смотрел на множество коней, ослов, все равно не понимаю, чем питаются в таких голых и безлюдных местах.

Дальше пошли песчаные барханы, по большей части из-за сильных ветров вытянутые, издали смотрятся как женские

тела, слегка поджаренные солнцем, но иногда причудами вихря творится такое, что я видел даже совершенной формы женские груди, устремленные вершинками в небо.

Нередко небольшие и четкой формы, девичьи, так сказать, но чаще принадлежат зрелым сочным женщинам: крупные расплывшиеся от собственной тяжести, но не ставшие менее зовущими. Я заметил, и Растенгерк поглядывает на них несколько странно и непроизвольно облизывает губы, словно уже тербит ими, но тут же спохватывается, бормочет что-то отгоняющее наваждение, бросает быстрые взгляды на небо и по сторонам.

Я устремил взгляд в сторону горизонта, там далеко Брабант, а еще дальше Сен-Мари, оно же Орифламме, а также Арндское королевство, сверху раздался вопль:

– Вот она!

Растенгерк указывал рукой и возбужденно вопил, перекивая свист и взревания ветра. Среди зеленых холмов гордо поднялась и начала приближаться с каждым взмахом крыльев настоящая башня, созданная природой. Отвесные ровные стены, хотя и слоистые, уже почти могу отличать мезозой от триаса или палеозоя, а на самом веру громоздится массивнейшая глыба размером с трехэтажное здание.

– Это его башня! – закричал Растенгерк.

– Чья?

– Того волшебника! Я ее сразу узнал... по описаниям.

– Который ладит с ограми?

- Да! Это он сумел их понудить пойти с нашим войском.
- Неплохое убежище, – пробормотал я.
- Это не убежище!
- А что?
- Его башня власти!

Я изменил угол наклона крыльев, башня послушно поплыла по кругу, с молчаливым достоинством давая себя осмотреть со всех сторон. Место в самом деле неприступное, как только сам чародей поднимается, скалолаз чертов, не сидит же безвылазно всю жизнь...

Блеснула отполированной поверхностью часть стены, а перед ней словно бы порожек на пару шагов. Не такая площадка, как перед пещерой, где я держал Мириам, здесь даже присесть не смогу в драконьем обличье.

– Вот там он и живет! – крикнул Растенгерк. – Человеку туда не попасть, да ему никто и не нужен!.. Даже дракон может лишь уцепиться... вон там выступ у входа!.. и висеть там, надеясь, что чародей выйдет взглянуть на небо. Или восхочет подышать свежим воздухом.

Я прорычал:

- Значит, рискну...
- Но маг может не выходить годами!
- Значит, – сообщил я, – буду висеть годами, пока не выйдет и не заметит. Это так на меня похоже!

Он озадаченно умолк, уловив сарказм, а я сделал еще круг над горой, как пчела, что запоминает расположение улья.

Меня подняло выше, Растенгерк выжидающе помалкивает, но вертит шей, глаза как блюдца, когда еще придется подняться выше орлов и соплеменных. Будет чем потом хвастаться.

Наконец я сказал с удовлетворением:

– Хорошо, дорогу теперь знаю. А теперь подумаем, куда сбросить тебя.

Он сказал с натянутой улыбкой:

– Я вроде бы летать не умею...

– А если с большой высоты? – предложил я. – Может быть, успеешь научиться?..

– Вряд ли, – ответил он.

– Почему?

– Трезвый слишком.

– А-а-а, ну, Мириам от вина отучит быстро. Хорошо, если придется лететь к твоим... как они называются?

– Айсоры? – перепросил он. – У нас гордый и отважный народ, однако айсоров мало. Рядом урарты и саргоны, одних больше всемеро, а других в двенадцать раз.

– Воюете? – спросил я с интересом.

– А как иначе?

– И вас еще не истребили?

Он ответил с достоинством:

– Мы степной народ, но когда прижимают к горам, уходим на самые вершины. По ночам нападаем... Любой враг несет такие потери, что в ужасе бежит с наших земель!

– Стойкий вы народ, – пробормотал я.

– И самый отважный!

– Ну-ну, где эти айсоры?

– Надо за вон ту горную цепь, – сказал он неохотно, – там две долины, заняты урартами и саргонами. Мне там лучше не появляться, у нас кровная вражда.

– А в обход?

Он потряс головой.

– На беду, айсоры вроде камешка в кипящем море. Они не подчинились совету старейшин ассиров.

– Понятно. Теперь в изоляции?

– Да.

– Твой младший брат здесь?

– Элькреф? – переспросил он. – Нет, он в королевстве Тиборре. Что-то у нас в роду такое... Я обезумел от любви к принцессе народа глиноедов, так у нас зовут горожан, а мой младший брат тоже влюблен в такую же, где в ее городе и нашел теперь убежище. Но ему повезло больше, чем мне.

– В чем?

Он сказал с некоторой завистью:

– Не пришлось гоняться десять лет за невестой, чтобы объясниться. Он любит и любим, собираются сыграть свадьбу.

Я прорычал насмешливо:

– А не помешает, что он уже не великий вождь?

Он крикнул:

– Тиборра – самое крупное здесь королевство! В нее входит десять городов и часть сел. Его король Жильзак Третий не нуждается в укреплении связей через брак, ему хватает торговых. А еще его дочь Элеонора Гордая умеет настоять на своем.

Я рыкнул мощно:

– Элькрефу повезло, а вот тебе... может, вообще не стоит стремиться в свое племя?

– Айсоры мне верны, – ответил он просто. – Я должен разделить судьбу с ними.

Я спросил коварно:

– А как же Мириам?

Он даже зажмурился, на лице отразилась внутренняя борьба между чувствами попроще, их зовем любовью, и высокими, типа долга, чести и любви к Отечеству.

– Мириам меня поймет, – ответил он наконец. – Она предпочтет, чтобы я погиб, пытаясь вернуть себе трон, чем вернулся к ней опозоренным.

Я пробормотал:

– И почему это люди чести и долга воюют между собой? Даже обязаны драться!.. А люди без чести и доблести умеют договариваться?

Земля внизу не проплывает, а проносится, словно меня несет по идеальному и абсолютно прозрачному льду. Растенгерк то и дело свешивается то с одной стороны, то с другой, рассматривает местность, лицо напряженное, глаза вспыхи-

вают огнем – когда вспугиваем стадо газелей или пасущихся в траве диких свиней.

– А теперь, – спросил он напряженным, как струна, голо- сом, – возвращаетесь в свое заоблачное королевство?

Я шумно вздохнул, выпустив с дыханием и малость сизого дыма.

– Увы, нет.

– Еще дела?

– Да, – ответил я. – Я ж сказал, еще не видел, как тут живут кентавры, тролли, огры... Интересно, как вы сумели с ними ужиться.

Растенгерк посмотрел на меня с некоторым удивлением.

– С жителями городов сумели же? А с людьми ужиться всегда труднее.

– Ну, то люди...

– С кентаврами то же самое, – сказал он твердо. – После первого сражения, когда две трети их осталось на поле бездыханными, кентавры признали, что мы сильнее. Нашим вождям этого достаточно. То же с троллями и ограми, хотя война с ними затянулась на два поколения. Они намного сильнее, однако нас больше, в седла коней убитых героев вскакивают их дети...

Я кивнул, это понятно, даже если истребить всех-всех мужчин в этих степных племенах, через десять-пятнадцать лет у них будет новая грозная армия. В каждой семье по семь-десять, а то и больше детей, а у кочевников каждый

мужчина – воин. У троллей, тем более у огров, рождаемость, как догадываюсь, не в пример скромнее, в затяжных войнах они проиграют точно.

Глава 2

Крылья несут мощно и красиво, я непроизвольно забирался выше и выше, мир становится шире, а я кажусь себе просто всесильным. Под нами проплывают зеленые пятна, которые даже мне кажутся лугами, хотя это обширные леса из могучих деревьев.

Растенгерк всматривался с повышенным вниманием, опасно свешивался с боков, заставляя меня одним из крыльев работать чуточку больше.

– Можно чуть ниже? – попросил он.

– Можно, – буркнул я.

Показалась узкая полоска извилистой реки, за ней восторщилась, как гребень рассерженной ящерицы, каменистая насыпь. Справа и слева вызывающе ярко желтеют барханы песка, а дальше два изумрудных пятна небольших оазисов.

– Вон там! – закричал он.

Я застопорил крылья в растопыренности и скользил дальше, как щепка по тихой реке, неподвижный и как можно более неприметный. Внизу проступили точки крохотных шагров, начали различаться муравьиные фигурки коней и людей.

Мои глаза настороженно отслеживали каждое движение, нас пока не замечают, отважные и гордые тоже смотрят чаще под ноги и под копыта, чем на небо.

– В вашем племени точно нет Ледяных Игл, Костяных Решеток или подобной гадости?

Он потряс головой.

– Никогда не было!

– Что так?

– Мы ценим честный бой!

– Это очень хорошо, – сказал я с удовлетворением. Хотя мое понятие честного боя гораздо шире, но всегда приятно иметь дело с людьми, у которых понятия более узкие и строгие. – Благородство везде ценится. По крайней мере, должно. Но так у вас было десять лет тому... Как сейчас?

Он произнес с достоинством:

– Есть ценности, что не меняются!

– Это хорошо, – согласился я. – Что ж, рискнем. Но все-таки плохо, что летать не можешь. А хотя бы спланировать?

– Это как?

– Как сорванный ветром лист, – сказал я и ощутил себя поэтом. – Он тоже не брякается, как камень, а плывет, покачиваясь и опускается медленно...

– Не хочу, – ответил он. – Голова закружится, если столько покачиваться. Мужчина не должен покачиваться!

– Тем более воин, – поддакнул я. – Гордый сын степей!

– Точно, господин дракон!

– Ну, – сказал я со вздохом, – мы драконы не гордые, опустимся и снизойдем сами.

Растенгерк промолчал, а я изменил снова угол положения

крыльев и с осторожностью пошел вниз. Растенгерк не стал ждать, когда нас заметят и начнется паника, поднялся во весь рост, держась за высокую иглу гребня, размахивал свободной рукой и орал во весь голос.

Я поинтересовался:

– Тебя на окраину?

– А можно ближе к центру? – спросил он и добавил извиняющимся тоном: – Пусть увидят вашу мощь, господин дракон...

– Ты ж говоришь, твои сородичи воинственны весьма и чрезмерно?

– Очень, – подтвердил он с гордостью и так же поспешно уточнил: – Но они и разумны.

– И воюют? – усомнился я. – Ладно, все мы местами малы. Только не хотелось бы, чтобы накинудись с мечами и топорами. Меня такое слегка обидит...

– Я покричу им еще!

– Хорошо, – пробурчал я, – кричи погромче. А я подыграю...

Нас заметили не сразу, огромная черная тень моих крыльев трижды прошла наискось через стойбище, пугая коней. Первыми подняли головы дети, прозвенел их крик. Из шатров начали выбегать мужчины, почти у всех в руках мгновенно появилось оружие, словно каждый и спит с ним.

Растенгерк едва не сорвал голос, пытаясь заставить этих неистовых романтиков рассмотреть не просто грозного дра-

кона, но и человека на его спине. Наконец кто-то увидел, а потом и опознал до того, как я снизился на дистанцию выстрела из лука. Судя по бедным шатрам и одежде из грубо выделанных шкур, племя очень небогатое, если говорить дипломатично. Своих Ледяных Игл у таких точно не отыщется, а предположить, что некто уже успел как-то забежать вперед и держит меня на прицеле, – попахивает даже не откровенной трусостью, а паранойей.

Я сделал еще круг, чтобы рассмотрели Растенгерка получше и убедились, что действительно он, затем осторожно опустился на свободное место в центре стойбища, здесь наверняка общие собрания, сложил крылья, подняв тучу пыли и заставив пошатнуться шатры, и тут же застыл, как каменное изваяние.

Растенгерк, продолжая улыбаться и вздымая победно руки, поспешно спустился на землю. Воины, ощеряясь копьями и дротиками, смотрели больше в страхе на ужасного дракона, чем на неожиданно вернувшегося их давно исчезнувшего ярла.

Он встал перед моей мордой и закричал снова:

– Опустите оружие!.. Это я, Растенгерк, а это мой друг!.. Не сердите его, он одним вздохом может испепелить все на расстоянии мили... а то и двух!.. Нет-нет, он это не сделает, он наш друг!

Раздвинув воинов, вышел высокий мускулистый воин с суровым лицом, где шрамов и морщин поровну, волосы на-

половину седые, но поджар и явно все еще силен.

– Рад тебя видеть, сын мой. . .

Голос его звучал ровно и сильно, обращался к Растенгерку, но смотрел на меня. Растенгерк ринулся навстречу, они обнялись и долго хлопали друг друга по спине и загорелым плечам, обильно проливая скупые мужские слезы.

Воины, убедившись, что Растенгерк – действительно Растенгерк, теперь вообще не отрывали взглядов от огромного и ужасного дракона, закованного в блестящую броню костяного панциря и лат. Из шатров выглядывали и тут же прятались испуганные женщины и очень любопытные дети.

Растенгерк наконец выговорил с чувством:

– Спасибо, дядя Чегерд.

Воин сказал с суровой теплотой:

– Твой отец умер, пусть Морской Конь примет его отважную душу, теперь я твой отец. А мои сыновья – твои братья.

Растенгерк преклонил перед дядей колено.

– Спасибо, доблестный Чегерд. У меня остался один брат, но и то не знаю, жив ли. Сразу пятеро твоих сыновей – это просто милость и благоволение богов! Я благодарю великого Морского Коня, что послал мне такую родню.

Чегерд взглянул через его плечо на меня. Лицо его осталось напряженным, а в глазах вспыхивали и с трудом угасали огоньки опасения и страха.

– Уверен, что этот дракон не пожрет здесь все?

– Уверен, дядя.

Чегерд поднял Растенгерка с колен, сам все еще не отрыгает от меня настороженного взгляда.

– Я слышал, – сказал он осторожно, – их почти невозможно приручить...

– Он не приручен, – ответил Растенгерк.

Воины попятнулись, широкий круг вокруг меня стал еще шире. Чегерд сказал напряженно:

– Но как же...

– Это великий дракон, – объяснил Растенгерк, – повелитель других драконов. Поприветствуй его!

Чегерд кивнул мне и сказал небрежно:

– Приветствую тебя, великий... Ты в самом деле огромен даже для дракона.

Я проревел:

– Как и ты – для человека.

Чегерд вздрогнул, глаза полезли на лоб.

– Оно... умеет разговаривать?

Растенгерк торжествующе улыбался, воины вытягивали головы, словно старались заглянуть мне на спину.

Я буркнул:

– Разговаривать я умею, а вот умеешь ли ты летать?

Чегерд ошалело замолчал, Растенгерк увидел, что я зашевелился и разминаю лапы перед прыжком в небо, сказал торопливо:

– Великий Шумил, я еще раз клянусь в дружбе и надеюсь на развитие нашего союза... а пока желаю тебе успеха! Пусть

езде будет опора твоим крыльям!

Я наклонил голову и прорычал благосклонно:

– Благодарю, ярл. Нужна будет помощь – зови. Вот тебе чешуйка с моего брюха! Брось в огонь, я почую. Но по мелочам не тревожь, понял?

Стойбище осталось далеко внизу и все еще уменьшается, уползая со всей долиной под брюхом из поля зрения. Я не зря сказал насчет мелочей, теперь эти айсоры вообще не позовут меня из гордости, в то же время осознание моей поддержки придаст им силы и уверенности.

А также, как догадываюсь, собьет спесь с соседей и заставит призадуматься. К ним слухи дойдут, как обычно, преувеличенные и приукрашенные. Может быть, в чем-то даже эти саргоны и урарты пойдут на уступки. Но еще бы лучше – на сближение...

Золотые барханы сверкают так, что я просто вижу, как расплавленный песок стекает по округлым склонам, а там в тени медленно остывает, иначе потекли бы реки расплавленного золота и сожгли бы сонный и беспечный мир.

Вдали засверкало нечто ярче золотых песков, ярко-пурпурный в лучах заходящего солнца город. А днем, думаю, сверкает как гора из чистейшего снега, здания там то ли из белейшего мрамора, то ли из предельно белого песчаника. Я ускорил полет, но опоздал: солнечный диск соскользнул за темный край земли, везде лег полумрак, а багровые лу-

чи свирепо бьют из-за горизонта и освещают только кучевые облака в небе, делая из них пылающие горы.

Когда наконец приблизился к городу, погасли и облака, внизу все погрузилось в темноту, что для меня все тот же день, только без теней и в черно-белом цвете. Из-за горизонта за это время выдвинулись еще города, я на такой высоте, что кажутся брошенными на траву шапками.

Из-за темного края медленно всплыла, как шарик воздуха в плотном неподвижном озере, сверкающая луна. Город подо мной даже в ее свете заблестал и стал похож на елочную игрушку. Люблю южные города, всегда из белого камня, легкие, праздничные, в них даже беднота существует в духе довольства, чего нет даже в очень благополучных северных.

В этих местах на облака смотрят как на редкую диковинку. Днем сияющая синь, ночью – великолепный купол, весь усыпанный драгоценными звездами. Природа всегда улыбается, потому и люди выглядят довольными жизнью и счастливыми.

Я бросил взгляд налево, там город еще крупнее, справа торжественно выплывает в зелени садов настоящий городище... А вон еще и еще... Девять городов достаточно близко один к другому, между ними паутина ровных и сахарно-белых нитей дорог. Какой бы ни был хилый из меня экономист, но ясно, связи между городами теснейшие. Возможно, шкуры обрабатывают в одном городе, а сапоги из них шьют в другом.

Сделав пару кругов, я сказал с досадой, что пора определиться, раз уж прекогния молчит, что-то вообще рот не открывает. Наверное, стольный город все-таки вон тот. Пусть не самый крупный, но только в примитивных и традиционных королевствах столица всегда в наиболее крупном скоплении людей, а в новых – в удобном для управления...

Выбрав густые деревья поближе к городу, я опустил как можно тише, застыл, прислушиваясь. Могли увидеть с городских стен, но я так быстро исчез из поля зрения, что даже самые бдительные вскоре перестанут смотреть в эту сторону.

Я перевел дыхание, мучительно медленно вернулся в личину человека, содрогаясь от ощущения полнейшей беспомощности во время этого перехода.

Лунный свет, застывший и неподвижный, превратил весь мир в нечто спокойное и вселенское, почудилось, что так и будет вечно, однако на востоке начало светлеть, и я понял, что короткая летняя ночь подходит к концу, едва успев начаться.

Я пошел между деревьями в сером одинаковом мире, а вышел на опушку, когда на земле смутно задвигались тени от нависающих ветвей. Уже бодрее я выбрался поближе к дороге, но там остановился в нерешительности.

Небо без облачка, солнце высунуло нещадно сверкающий горбик из-за темного края, где всю ночь грело не то мировую черепаху, не то трех слонов, впереди жаркий день, а в такой зной только дурак будет хранить верность традициям в

одежде. Я обнажился до пояса, одежду сунул в мешок, а перевязь с мечом перекинул через плечо, ставши неотличим от основной массы кочевников. Солнце сладострастно вонзило острые зубешки в мою кожу, приятный жар растекся под шкурой, растапливая последние капли нежного жира, но я и без зеркала знаю, что стыдиться плоской груди или тонких рук не буду: перевоплощение в дракона и обратно всякий раз подгоняет меня к той норме, каким я должен быть при моем акселератизме, а не оставляет прежним рослым хиляком.

Я с удовольствием пощупал мощные бицепсы и еще более толстые трицепсы, когда-то все это висело на руках, как вялые тряпочки, а теперь налито такой тугой силой, что на глазах раздвигает кожу. И грудные мышцы заставляют оттопыривать руки, чего стыжусь и старательно прижимаю руки к бокам, а то вид больно задиристый.

Даже живот в заметных кубиках, не шесть, а целых восемь, но, увы, я не один здесь орел, у большинства кочевников хорошие атлетические фигуры. Слабые у них вообще не выживают, недостаточно сильные и ловкие гибнут в состязаниях, соревнованиях и бесконечных межплеменных войнах.

Солнце уже всерьез обжигало плечи, когда я пошел к зияющему проему на месте городских ворот. Вскоре догнал нагруженных связками хвороста осликов и мулов, бойкие горожане успели набрать огромные вязанки, пока я выбирался из леса, вместе с этим караваном и прошел в проем крепостной стены. Сразу малость ошалел от непривычно по-южному

громкой речи, гомона, бодрых голосов со всех сторон. Полные нетерпения торговцы спешно раскладывают товары, натягивают над своими богатствами тенты, ревниво поглядывают друг на друга.

Появились и первые покупатели, в основном женщины. Пришли за свежей зеленью, молоком, сыром и мясом. Торговцы на меня поглядывают с веселым любопытством и доброжелательностью, угадывая чужестранца, а у чужаков обычно водятся деньги.

Я прошел в ту часть, откуда доносится конское ржание и дробный стук копыт. Коней гоняют на длинном поводке по кругу, выискивая недостатки, покупатели отчаянно торгуются с продавцами.

Присматриваться я долго не стал, все-таки моему Зайчику нет замены, высмотрел самого красивого, он ухитряется вставать на дыбы, поднимая повисших на удилах двух работников, что значит, силен, поинтересовался:

– А эту смирную лошадку за сколько хотят сбыть?

Продавец оглянулся, лицо возмущенное и одновременно заинтересованное. Я смотрю на коней с равнодушным снисхождением. Мол, видал и получше. Я же степняк, а для степняка признаться в своем полном невежестве по части лошадей – значит совершить социальное самоубийство. Презирать будут все кочевники, а в первую очередь сами кони.

– Сбыть? – спросил он с великим возмущением. – Это же не конь, это дикий кентавр!

– Точно, – согласился я, – только он растерял все человеческое. А раз так, то за калеку готов заплатить треть от его цены.

Другие покупатели начали прислушиваться, один подмигнул мне и сказал продавцу с преувеличенным сочувствием:

– Чего это он так? Хороший конь, хоть и староват, конечно...

– Старый конь борозды не портит, – сказал другой, вздохнул и добавил уже другим тоном, – но и глубоко не пашет.

Я понял их игру на снижение цены, поддакнул:

– Старый конь борозды не портит! Он ляжет в нее и спит.

Торговец вскричал возмущенно:

– Старый? Да этот конь только родился!.. Посмотрите, как блестит шкура! А кто похрабрее, взгляните на его зубы! Что вы все наговариваете на честного торговца?

– Честный? – изумился один из покупателей. – Да ты у кентавра коня украдешь! Признавайся, откуда у тебя такой замечательный конь, если ты разводишь только кур?

Торговец ухмыльнулся.

– Завидуешь? А вот шел себе по улице, смотрю – блестит что-то. Поднимаю – подкова. Переворачиваю – а там этот конь.

Один сказал озадаченно:

– Да? Повезло тебе... А я вот сколько подков находил, но никакого счастья.

Торговец сказал злорадно:

– Чтоб подкова приносила счастье, надо прибить ее к копыту коня, и пахать, пахать, пахать... Ну так как этот конь? Отдаю всего за семь серебряных!

– Всего, – проворчал один. – За семь я весь табун куплю...

– Или базар, – сказал другой.

Торговец спросил язвительно:

– Может быть, вам лучше купить верблюда? Это тот же конь, но с большим жизненным опытом.

Я махнул рукой, вытащил золотую монету.

– Беру. Только подбери седло получше, попону, седельные мешки.

Он взглянул на мою спину, где мешок уже раздут, как у погорельца, ухватил золотой и сразу же попробовал на зуб. Глаза радостно заблестели.

– Хорошо, господин! Будет самое лучшее седло и все остальное!

Он ринулся в распахнутые двери конюшни, покупатели посмотрели на меня недружелюбно.

Один буркнул:

– Ну зачем цену поднимать? Теперь совсем обнаглеет...

А второй проговорил со вздохом:

– Да он совсем безголовый, но теперь хоть конь будет думать за обоих.

Глава 3

Через полчаса я пересекал площадь, направляясь к королевскому дворцу. Подо мною гарцует великолепный конь под цветной попоной, седло новенькое, расшитое бисером, за ним приторочен увесистый мешок с припасами и трофеями, из-под копыт на булыжной мостовой выстреливают короткие искры.

У ворот двое рослых мужчин в парадных доспехах, настоящих рыцарских, то ли трофейных, то ли декоративных, оба крупные и очень важные, в руках по копьё, доспехи блестят, шлемы сверкают, как зеркала под солнцем, а щиты так и во все украсят любой музей.

Я ехал прямо, через головы стражей сквозь кованую металлическую решетку видны роскошные цветники, клумбы с розами, тюльпаны, а дальше за выложенной цветной плиткой площадкой высится светлый огромный дворец из белого камня, изысканный, с богатой лепниной у входа и затейливыми колоннами. За главным зданием выглядывают еще несколько, поменьше, но тоже богато отделанных.

Стражи лениво и чересчур безразлично смотрели через забрала. Я соскочил на землю, высокий и с обнаженным торсом, есть чем побахвалиться, с конем в поводу подошел ближе.

Оба так же молча скрестили передо мной копыта, хотя во-

рота и без того закрыты.

– Я к ярлу Элькрефу, – сказал я надменно, как и надлежит благородному варвару, сыну степей, в прогнившем городе. – Изволю!

Они переглянулись, снова устались высокомерно, королевский дворец охраняют и вообще стерегут, а не общественный сортир, один наконец медленно разлепил толстые разляпистые губы.

– И чё?..

– С вестями о его брате Растенгерке, – объяснил я терпеливо.

– И чё? – повторил он так лениво, словно засыпает в теплой воде болота. – Здесь король Его Величество Жильзак Третий.

– Ярл Элькреф гостит у Его Величества, – сказал я. – Или открывай, дурак, или, если не знаешь, как отворяются двери, позови того, кто умеет!

Он придвинулся ко мне, слегка поводя плечами, то ли разминая мышцы, то ли стараясь утратить.

– Что-то слишком громко говоришь.

– А тебя научу говорить шепотом, – пообещал я.

– Ты?

– Хочешь убедиться?

Он ухмыльнулся и начал поднимать руку. Я мгновенно перехватил, развернул и с силой ткнул лицом в железную ограду. И хотя вкопана в землю не меньше чем на пару локтей,

ее тряхнуло, как хилый деревенский плетень. Второй страж охнул и быстро выставил перед собой копье.

Я уклонился, перехватил и дернул на себя. Стража бросило вперед, я встретил его ударной частью ладони в забрало. Там заскрипело, сминаясь, красавца отшвырнуло на решетку. Он прохрипел что-то бранное и медленно сполз грудой сверкающего дорогого железа на вымощенную булыжником землю.

Я сказал громко:

– Зови старшего!.. Быстро!.. А то сверну шею.

Он завопил из-под моих ног как недорезанная свинья. Со стороны сада показались трое бегущих в нашу сторону стражей в тяжелых доспехах. Впереди торопится высокий пышно одетый и при оружии человек с суровым и злым лицом ветерана.

Я не двигался, страж вопит, второй ползает на четвереньках и собирает зубы. Старший подбежал к воротам с той стороны и спросил быстрым злым голосом:

– Я – сотник Ланаян, начальник дворцовой стражи. Что случилось?

– Посыльный к ярлу Элькрефу, – сообщил я. – Срочно. От его брата ярла Растенгерка.

Он опустил взгляд на стражей.

– А что с ними?

– Позорят достоинство королевской стражи, – сообщил я. – Во-первых, грубят и хамят незнакомым, а я могу ока-

заться важным лицом, верно?.. Или вас легко дурачить смелой одежды? Во-вторых, за грубостью должна стоять сила, иначе это умаление величия их лорда. В данном случае они его опозорили.

Он смерил меня долгим и недоверчивым взглядом. Двое стражей, прибежавших с ним, уловили его жест и молча открыли ворота. Я вошел, держа коня в поводу, кивнул любезно, но с гордостью варвара, что кланяется только королям, да и то не слишком низко, чтобы не дай бог не уронить достоинство.

– Благодарю, – сказал я с любезным высокомерием. – Устройте моего коня, он привык к чистой воде и отборному ячменю. Мне покажут дорогу к ярлу?

Ланаян снова окинул меня придирчивым, но цепким и очень внимательным взглядом.

– Я сам отведу.

– Это очень любезно с вашей стороны, господин...

– Ланаян, – напомнил он сухо. – Начальник дворцовой стражи.

– Очень рад вас лицезреть, господин Ланаян, – сказал я любезно. – Меня зовут... гм... Рич, просто Рич. Я всего лишь малозаметный десятник нашего небольшого войска. И племя у нас крохотное. Совсем крохотное, да.

Он слушал и смотрел внимательно. Глаза чуть блеснули, когда я объяснял, какие мы крохотные и малозаметные. Малозаметные обычно пускают пыль в глаза и топорщат перья,

а когда вот так, самоуничтожительно, это очень даже интересно для начальника любой стражи.

– Это не любезность, – обронил он наконец. – Это желание избежать... подобных инцидентов.

– Мы простые дикие люди, – сказал я с достоинством и гордо выпятил челюсть. – И не позволяем над собой улыбаться. Даже богам!

Он хмыкнул.

– Да-да, я слышал, вы свергаете неугодных богов и выбираете других, получше.

– Подостойнее, – поправил я высокомерно, хотя про обычай свергать богов услышал впервые.

– Да-да, – согласился он. – вы такие... гордые.

Усыпанная золотым песком широкая аллея вела между кустов роз, справа и слева благоухающие деревья, явно цветут круглый год, юг, благодать, в ветвях распевают сладкоголосые птицы, над цветами порхают, часто перелетая аллею, яркие и неправдоподобно огромные бабочки.

Ланаян помалкивал, я тупо и надменно смотрел прямо перед собой, стараясь не выглядеть провинциалом, наконец Ланаян обронил:

– Мы не даем себя обманывать одежкой.

– Вот как?

Он буркнул:

– Даже ваша речь выдает вас.

– В чем?

– Простые гонцы говорят иначе.

Я ответил с достоинством:

– А я не простой.

– Ну вот об этом и говорю. Ваши... замашки тоже выдают вас.

Я поглядывал на него искоса, идет рядом собранный, ни одного лишнего движения, однако во всем чувствуется скупая отточенность, а взгляды на меня бросает такие же пытливые и оценивающие.

Воздух сладкий от множества цветов, по обе стороны дорожки их несметное количество, по соседнему ряду прошли девушки с ведрами, поливают, дуры, в такую жару нельзя, все засохнет еще быстрее, кто их такому учил...

Ланаян вздрогнул так, что на нем звякнуло железо доспехов, задрал голову и охнул, а металл панциря заскрежетал. По ясному небу несется комета, настолько яркая, что отчетливо видно и светящуюся голову и длиннющий призрачный хвост, похожий на шлейф из лунного света.

– Предвестница... – выговорил он дрожащим голосом. – Что она предвещает? Надо спросить нашего звездочета!

– Пусть звезданет в меня успех, – пробормотал я. – Даже перед несчастливой звездой стоит лишь чуть склониться, но не падать ниц. А вообще-то, Ланаян... пока ты отважен и верен себе, все играет тебе на руку – король, придворные, челядь, даже солнце, луна и звезды. Это счастливая звезда!

Он спросил с надеждой:

– Правда?

– Других вообще не бывает, – ответил я. – Ты посмотри на меня! Разве еще не понял, что предвещает эта заблудившаяся звезда?

Он втянул голову в плечи и шел дальше молча, даже не повел бровью, когда я спрашивал о каких-то пустяках.

Перед самым дворцом по ступенькам расхаживают надменные павлины, то и дело растопыривают роскошные веера хвостов. Похоже, зерна им сыпят прямо здесь, чтобы демонстрировали себя всем, а то вдруг кто не заметит эту пышность и величие короля.

– Это намек? – спросил я.

Ланаян вскинул брови.

– Павлины?

– Да.

– А в чем намек?

– Тут и люди такие?

Он поморщился, но не ответил, повел властно рукой.

– Сюда. А теперь сюда...

Поднялись по ступеням, я думал, что войдем в зал или хотя бы холл, и это действительно оказался просторный зал с богато выложенным цветным мрамором полом, только без крыши. Я изумленно приподнял голову и чуть не ослеп от стрельнувшего прямо в зрачок ослепительного жаркого солнца.

Сверкающие искры прыгают всюду, добавляя в узоры ра-

дужного небесного огня. В дальней части зала степенно беседует группа царедворцев, у всех на одежде много золота, а наиболее знатные чуть ли не шатаются от обилия этого металла и драгоценных камней.

– Кому Бог не дал золотые руки, – сказал я высокомерно, – тому приходится носить золотые браслеты.

Ланаян покосился на меня с некоторым удивлением.

– Не все золото, – произнес он осторожно, – что блестит. Но верно и другое: не все золото блестит... А теперь сюда, десятник Рич. И сюда... Вот и пришли.

Открылся небольшой уютный зал без боковой стены, вместо нее панорама цветущего сада, воздух пропитан изысканными ароматами. В зале легкая призрачная тень, дальше яркий свет, у черты спинами к нам рослые мужчина и женщина, беседуют тихо, я ощутил сразу, что не царедворцы, а люди близкие друг другу. Возможно, брат и сестра, что-то в них общее.

Ланаян на ходу подобрался, развернул плечи и выпятил грудь, шаги стали громче, акцентированнее. Пара синхронно обернулась к нам, я проигнорировал мужчину, потому что женщина... Валькирия – вспыхнуло у меня в мозгу, как молния. Валькирия ночи, если есть такие.

Высокая, гордая, прекрасно осознающая свою диковатую красоту, с дивной, не по-городскому здоровой фигурой, где и широкие плечи, и высокая крупная грудь, и талия, и длинные ноги... Дыхание сперло от блистающего великоле-

пия ее безумно точно вылепленного лица с высокими дугами тонких чернящих бровей, полных вздернутых губ, высоких аристократичных скул и упрямо выдвинутого вперед подбородка.

Привычные валькирии все в солнечном свете и золоте, но от этой пахнуло темной ночной грозой и молниями. Густые иссиня-черные волосы падают на спину свободно, крупные черты лица не зализаны, как у большинства женщин, не закругленные и смягченные, что обычно именуется женственностью, а напротив – заостренные, что лишь подчеркивает ее дикую красоту, необузданную, как мне хотелось сказать, но не сказал – видно по ее строгому и властному виду, что принцесса умеет контролировать не только себя, но и других. Здесь не дикость, а стальная воля.

Рожденная править, мелькнуло у меня. Или водить войска. Такой, возможно, была Жанна д'Арк, гордая, решительная и независимая. Такой трудно вбить в голову, что должна подчиняться мужчине только потому, что тот – мужчина. Увы, твое время еще не пришло, гордая женщина...

Она смотрела строго и внимательно, мигом окинув меня взглядом и оценив по только ей известной шкале, а я, напротив, погружался в ее глаза, глубокие и темные, как бездны космоса, хотя вроде бы старался не смотреть, чтобы не утонуть в них сразу, хотя вроде бы уже иммунен к женским чарам.

Мы, мужчины, обычно трусливо предпочитаем в спутни-

цы жизни дюймовочек. Для самоутверждения надо, чтобы женщина была мельче нас, слабее и глупее, но те немногие, которые стараются завоевывать таких вот королеви по стати и по духу, выигрывают в сто крат больше.

Мы завоевываем женщин так же, как берем хорошо укрепленные замки: осадой, приступом, штурмом, склоняем богатыми подарками на свою сторону, уговариваем открыть ворота, обещая особые льготы... Слова «завоевать женщину», «завоевать любовь», «за любовь надо драться» звучат привычно и обыденно, а из употребления не уходят потому, что женщин в самом деле завоевываем... и завоевывать будем, пока не рухнет вселенная.

Но большинство мужчин берет добычу попроще: помельче и поглупее, чтобы на их фоне выглядеть и крупно-мускулистым, и ох каким умным. «Прелесть, какая глупенькая!» – родилось в среде этих мужчин, которым для счастья нужны дурочки, что смотрят им в рот и восторгаются, какие у них мужья умные.

Взгляд я оторвал с заметным усилием и наконец-то посмотрел на Элькрефа, фамильное сходство с Растенгерком несомненно. Высокий, молодой еще, чуть-чуть выше старшего брата, крупнее, шире и как бы откормленнее. У Растенгерка десять лет жизни в седле выжгли последние капли жира, он весь из сухого мяса и толстых жил, а этот в роскошном халате до пола, широкие рукава, весь лучится благополучием, розоволицый, с нежной кожей, красивый и ухоженный.

Ланаян некоторое время держал строго рассчитанную паузу, в общении с королями нельзя торопиться, да и давал время им собраться с мыслями, наконец поклонился и сказал почтительно:

– Ярл Элькреф, к вам гонец.

Ярл оторвал взгляд от меня, я невозмутим, как Монтесума, красиво повернул голову к Ланаяну, гордо и с достоинством, но не подчеркнуто, как двигаются кочевники, оцивилизовался, спросил красивым контролируемым голосом:

– Ко мне? От кого?

Ланаян ответил уже без поклона, взгляд твердый и ничего не выражающий:

– Как он утверждает, от вашего брата.

Принцесса всматривалась в меня с непонятным неудовольствием. Лицо Элькрефа, напротив, вспыхнуло нежным румянцем, глаза заблестели, как у девушки, увидевшей новый наряд.

– От Растенгерка?

Я сделал шаг вперед, чуть наклонил голову, я же гордый сын степей, а не царедворец, и никто надо мной здесь не властен, что и подчеркиваю, как сын степей, каждым жестом, движением, взглядом и сыностепейной осанкой.

– Вы еще помните его имя? – спросил я слегка саркастически. – Это хорошо, я ему передам. А сообщает он, что все-таки отыскал Мириам и даже сумел помириться. Они намерены сыграть свадьбу в королевском дворце Меркера. Его

Величество Франсуа Меченый благословляет их союз.

Он слушал все восторженнее, но вдруг лицо потемнело.

– Так ли? Я слышал, Его Величество тяжело болен. А управляет его брат ярл Камбре...

– Уже не управляет, – сообщил я.

– Что случилось?

– Им самим управляют, – сообщил я, – в аду. Король здоров, как стадо породистых быков. Все поют... Надеюсь, у вас все так же хорошо и благополучно?

Он выпрямился, ликующая улыбка медленно сползла с лица. Принцесса наконец прекратила рассматривать меня и перевела взгляд на ярла. Холод потери пронзил меня, как морозный ветер, а расправившая было крылышки душа печально сложила их и рухнула на темное дно, куда я сам боюсь заглядывать.

Ланаян, что стоял, как статуя, шелохнулся, напоминая, что он здесь и все слышит, отвесил учтивый поклон.

– Простите, если я вам больше не нужен...

Ярл кивнул несколько безучастно:

– Да-да, иди.

Ланаян остался на месте, словно и не слышал, взгляд его был устремлен к принцессе.

Она сказала с легкой гримаской:

– Спасибо, Ланаян, ты свободен.

Он кивнул, бросил на меня быстрый взгляд и, отступив на шаг, повернулся и удалился быстрой молодой походкой.

Я следил за ним краем глаза. Похоже, покинувший племя Ярл не у всех здесь пользуется доверием, и Ланаян мне это показал ясно и наглядно. Нарочито.

Голос черноволосой валькирии прозвучал холодно и отчужденно, словно она говорила с вершины Гималайских гор.

– Мне кажется, этому гонцу известно больше, чем он говорит.

Ярл вперил в меня строгий взгляд.

– Это правда?

– Да, – ответил я.

– Что тебе еще известно?

Я развел руками.

– Мне известно двести способов ловить рыбу в океане и сорок вариантов завязывания морских узлов, ведь мы, сыны степей, все-таки еще и доблестные внуки моря. И многое еще я знаю и умею... Но, думаю, вас интересует не это. А, к примеру, знаю ли я, что вас сместили с трона главы совета племен, после чего вы, обидевшись, удалились вот сюда в тишь да гладь... Могу добавить, ваш старший брат уже в племени айсоров, где его по-прежнему считают своим вождем. Он хочет знать, готовы вы ли начать борьбу за восстановление своих прав на трон.

Валькирия поморщилась, Элькреф дернулся, на лице сменилась гамма чувств, наконец взгляд медленно потух, а в голосе прозвучала откровенная злость:

– Брат бросил нас!.. А я не был готов править советом

племен.

– Растенгерк передал трон среднему брату, – напомнил я. – А тот был еще как не против.

Он выкрикнул:

– Да, это все знают! Аммонк рвался к власти и готов был сам сместить Растенгерка. Но продержался недолго, слишком был заносчив и не считался с мнением старейшин. Когда его решили сместить, он схватился за оружие, но был убит со своими телохранителями. Это ты знаешь? После него правил я, однако...

– Недолго?

Он огрызнулся:

– Дольше, чем средний брат! Но другие кланы уже ощутили сладость близкой власти. Мне пришлось бежать сюда...

Я кивнул.

– Знакомо. Но если бы вы не увязали в излишней дружбе с глиноедами, не одевались в их одежды, не кланялись их мерзким и слабым богам, то вас бы, скорее всего, никто не стал бы сбрасывать с трона.

Валькирия обратилась к нему, по-прежнему игнорируя меня:

– Почему ты позволяешь ему так разговаривать с тобой?

Я посмотрел на нее холодно, она ответила взглядом, полным презрения высокорожденной к мелкому грязному червяку, пресмыкающемуся у ее ног.

Элькреф ответил чуточку виновато:

– У людей степи все вольны и равны... за исключением времени войны. Но он, конечно, дерзит. И не все упреки... заслужены. Пусть мой брат вспомнит, как рухнуло все из-за него, когда потерял голову из-за горожанки, когда сам начал надевать их мерзкие, как ты говоришь, одежды и проводить время в ужасных каменных домах!

Я вскинул голову и посмотрел ему прямо в глаза.

– Я прислан не для того, чтобы обмениваться упрёками. Что сделано, то сделано. Ваш некогда несчастный, а теперь счастливый брат спрашивает, готовы вы ли начать борьбу за возвращение трона и власти над племенами. Кстати, он намерен передать трон объединенных племен вам.

Он дернулся.

– Почему мне?

Принцесса тоже смотрела с высокомерным удивлением. Элеонора Гордая, вспомнил я ее прозвище. Точнее не скажешь...

– Ему он не нужен, – ответил я.

– Почему?

– Он нашел ту женщину с волосами из красного огня, – напомнил я. – И намерен остаться с нею в ее королевстве. Тем более, что король там уже немолод...

Я сделал многозначительную паузу, Элькреф пробормотал:

– Как мы похожи с братом, просто удивительно. Хотя мне повезло, я не гонялся за любимой женщиной десять лет по

раскаленным пескам, степям и горам.

Принцесса Элеонора снисходительно улыбнулась. Я посмотрел на нее, стараясь не замечать ее великолепия, только я и могу оценить в полной мере, она снова смерила меня холодным взглядом.

– Каков будет ответ? – потребовал я.

Элькреф с несчастным видом оглянулся на валькирию.

– Прошло много времени. Я нашел гораздо больше, чем потерял. Не знаю, стоит ли вообще начинать? И что я выиграю, кроме трона, который мне тоже не нужен?

Я покосился на принцессу.

– Хотя бы уважение этой женщины.

Он вспыхнул, рука метнулась к поясу, где полно колец для ножен, однако все болтаются, как бесполезные украшения.

– Да как ты смеешь?

Я спесиво выпрямился.

– Я воин, благородный... надеюсь, ярл. И не из вашего племени. Так что не связан никакими клятвами и обетами. Вы подумайте над ответом. Надеюсь, он будет достоин ярла, а не... гм... как бы это помягче... горожанина. Мой конь устал за долгую дорогу, мы подождем.

Принцесса милостиво наклонила голову, голос ее прозвучал ровно, словно скользил по льду высокогорного озера:

– Иди отдыхай.

Я сделал над собой усилие и остался, подыгрывая Элькрефу. Элькреф понял, досадливо поморщился и сказал сухо:

– Тебе покажут свободные комнаты в доме для гостей короля. И еще...

Голос его прозвучал странно, я уже было отступил, намереваясь уйти, но тут повернулся к ярлу.

– Да?

Он проговорил несколько смущенно, так мне показалось:

– Десятник, ты верен обычаям своего племени, это хорошо. Но ты видишь город... неверно. Отдыхай, пока я обдумываю ответ брату. Побывай в городе, пообщайся с людьми...

Я поморщился.

– С глиноедами?

Он сказал мягко:

– Мы можем называть их хоть камнегрызами, но от этого они камни грызть не станут, как сейчас не едят глину. Не спеши, чтобы я не отвечал брату по первому зову сердца, а обдумал еще и головой.

Я сказал надменно:

– Разве не сердце важнее?

– Сердце указывает общий путь, – ответил он уклончиво, – а как по нему идти – решает голова. Иди, отдыхай. Ты здесь гость, не слуга, никто над тобой не хозяин.

Я задрал нос, выпятил нижнюю челюсть и сказал заносчиво:

– Еще бы.

Он с непонятной усмешкой смотрел, как я без поклона повернулся на месте, вольный человек, а любой поклон мо-

гут истолковать как подчинение или заискивание, что для гордого сына степей хуже ножа у горла.

Глава 4

Задний двор огромный, но изрядно загроможден множеством хозяйственных построек, начиная от простой пекарни и заканчивая роскошными конюшнями для лошадей благородного сословия. Колодцев два, оба крытые, уже роскошь, помост и тяжелые деревянные колодки из двух половинок с отверстиями для головы и рук, длинная коновязь для лошадей слуг-гонцов...

Домик для гостей совсем не домик, а массивное здание в три этажа, комнаты крохотные, но чистые, с богатой мебелью, король своих гостей балует, понимает, именно они создают репутацию в соседних королевствах. Мне указали на свободные, я выбрал самую неудобную, из нее не видно двор, зато и меня не увидят, если вдруг восхожу в темную ночь выбраться через по-южному широкое окно.

В комнате ничего двигать не стал, хотя кровать слишком близко к окну, опасно, стол маловат, просто сложил вещи, плеснул в лицо водой из таза и вышел во двор.

Среди типичной челяди дважды промелькнули, нет, уже трижды, явные варвары-кочевники. Все трое обнаженные до пояса, крепкие, загорелые, с разнесенными в стороны плечами. Штаны кожаные, на широких поясах ножи и всякая блестящая хрень, которую мужчины обожают больше, чем женщины.

Похоже, процесс интеграции в этом королевстве зашел намного дальше, чем у соседей и вообще в среднем по Гандерсгейму. Кроме этих трех я заметил еще двух, одетых так, что сразу и не отличишь от горожан. Скорее всего, они завели друзей среди горожан и бывают у них частенько, балдея и оттягиваясь от прелестей суровой жизни, а другие, соблазненные несравнимо более высоким уровнем автохтонов, уже и породнились с местными...

Кстати, породниться с ними проще, нигде в Гандерсгейме я не видел заносчивых рыцарей, надменных лордов, церковных служителей, которые тоже делят на «своих» и «чужих» в зависимости от веры. Нет даже намека на благородное сословие, если не считать королей и сановников, которые тоже похожи просто на очень богатых торговцев.

То ли варвары их истребили, то ли подобное отпало за необходимостью, когда в руках горожан осталось только ограниченное самоуправление. Не только рыцарей нет, нет вообще хорошо вооруженных и закованных в стальные латы людей, если не считать городскую стражу, призванную следить за порядком среди своих же горожан, да королевскую охрану.

Можно сказать, что варвары, сами того не желая и не догадываясь о своей прогрессивной роли, продвинули завоеванных на еще более высокую ступеньку развития. Теперь здесь города-республики, вроде Венеции, Генуи и подобных им, основанных на ремесленничестве и торговле...

С заднего двора донесся негодующий женский крик. Я оглянулся, трое мужчин выволакивают из здания женщину, заламывая ей руки. Она отбивается, как может, брыкается, кричит, извивается всем телом. Ее дотащили до колодок на помосте, здесь один отпустил и взялся раздвигать тяжелые толстые половинки. Женщина воспользовалась моментом и с силой ударила второго в пах. Он заорал и выпустил ее, она тут же заехала кулаком другому прямо в нос и, освободившись, бросилась бежать.

Ей наперерез кинулись с веселыми воплями другие челядины, хватали за платье, она кричала зло и отчаянно, отбивалась, но наконец ее схватили, поволокли обратно.

Тот, которому она врезала ногой, с размаха ударил ее ладонью по лицу. Голова женщины мотнулась в сторону, я услышал вскрик боли, но женщина тут же выпрямилась и посмотрела на него ненавидяще.

Он ударил ее снова и заорал:

– Я тебя покажу, шлюха, как себя вести!.. Колун, что копаешься?

– Готово, – пропыхтел второй.

Он раздвинул обе толстые доски, там вырез для шеи, и толстые болты с двух сторон, так что приговоренные к позорному наказанию не дотянутся и не освободят себя.

Я наконец стряхнул нерешительность и трусливую философию, что кто в чужой монастырь с чужим уставом придет, тот им по рылу и получит, раздвинул плечи и подошел к ним

уверенно и властно.

– Эй, нельзя с женщиной так обращаться! В чем ее вина?

Тот, который назвал ее шлюхой, прорычал:

– Ты иди отсюда, понял?

– Не понял, – ответил я, закипая. – Поясни!

Он выпрямился и шагнул ко мне.

– Пояснить?

– Да, – сказал я кротко.

Он широко и глупо замахнулся. Я ткнул в солнечное сплетение, а когда он охнул и согнулся, ударил кулаком в затылок. Грузное тело повалилось, как мешок. Мгновение все смотрели, оторопев, затем все трое мужчин негодующе заржали:

– Он Колуна ударил!

– Он против наших правил!

– Бей чужака!

Отступать я не стал, уже достаточно взвинчен, пошел вперед, раздавая короткие и жестокие удары воина, а не кулачного бойца. Они падали и ползли, а когда один попробовал подняться, я его сам поднял на воздух жестоким ударом ноги снизу.

Он упал, как мокрая тряпка, и уже не двигался, а я поднялся на помост. Двое, что держали женщину, испуганно выпустили ее и отскочили.

– Что за люди здесь? – сказал я с отвращением. – Что могла такое сделать эта женщина, что ее в позорную колодку и

на посмешище?

Один крикнул:

– Она стирала господское белье и уже в третий раз его порвала!.. Это нарочно!

Я удивился:

– Всего-то? Сколько стоит это белье?.. Вот, передайте хозяевам! Пусть купят новое. И побольше.

Я швырнул на землю золотую монету, подумал и добавил еще одну. Этого хватит на десять спален, но пусть и этим побитым останется на выпивку, чтобы залить горечь поражения.

Женщина смотрела на меня расширенными глазами.

– Спасибо, спасибо, господин...

Я отмахнулся.

– Пустяки. На и тебе монету. На случай, если понадобится откупиться от таких... добрых.

Она охнула.

– Господин, это же золото!

– Это ты золото, – сказал я доброжелательно и улыбнулся. – Иди, ты свободна.

Народ смотрел на меня в страхе и почтительности. Во-первых, силу уважают везде, а во-вторых, в таких вот торговых городах еще больше уважают богатство, и когда сильный и богатый раздает зуботычины, он как бы имеет право и на то, о чем бедный и подумать не должен осмеливаться.

Чтобы не нарываться больше на неприятности, я подо-

шел к воротам, стражники посмотрели угрюмо, но ворота распахнули с такой поспешностью, словно приближаюсь на тройке королевских коней.

– Благодарю за службу, – сказал я покровительственно.

Они захлопнули за мной железные створки без «рады стараться, ваше благородие», но я не мелочный, пошел с широкой улыбкой счастливого человека в город, присматриваясь и прислушиваясь, стараясь по обрывкам разговоров уловить настроения.

На улицах варваров тоже больше, чем я видел, к примеру, в Меркеле. Там раз-два и обчелся, а здесь куда ни глянь – на сотню горожан один красавец с коричневым от солнечного жара торсом и хвастливо вздутыми мышцами, а это непропорционально много.

Как-то Диоген, прибыв в Олимпию и заметив в праздничной толпе богато разодетых родосских жителей, воскликнул со смехом: «Это спесь». Затем философ столкнулся с лакедемонянами в грубой и поношенной одежде. «Это тоже спесь, но иного рода», – сказал он.

Горожане и варвары Гандерсгейма ревниво блюдут и превозносят свои обычаи, а для этого, как хорошо знаю, в первую очередь нужно презирать чужие. Даже в одежде, что уж проще, видно, как горожане наряжаются демонстративно пышно и вычурно, а у варваров та же самая спесь – одеваются подчеркнуто грубо и небрежно. Чаще всего вообще обнажены до пояса, а когда одежда просто необходима, то цели-

ком из невыделанных шкур, что вообще ни в одни ворота...

И, конечно же, те и другие стараются блюсти чистоту браков, выдавать только «за своих», пусть даже в другое королевство. Правда, смешанные браки все же случаются, а здесь, как догадываюсь, их намного больше, чем где-либо...

Интересно, как решают проблему отречения от своих обычаев. Это всегда болезненная ломка, потому что помимо отказа от исконно посконных надо еще и принимать чужие...

Элькреф, как я понял, готов отказаться от любых проявлений гордого варварства, только бы его Элеонора Гордая, вот уж точное прозвище для этой валькирии, была счастлива. Да он и так уже отказался, одевается, как горожанин, разговаривает, как они, и наверняка не считает, что все проблемы решаются лихим набегом и быстрым ударом кривого меча.

Правда, первым в их семье был Растенгерк, так неудачно посватавшийся к Мириам, а затем то ли попытался ее ритуально похитить, то ли еще как-то задел ее гордость и нарушил обычаи цивилизованной жизни...

– Эй, – крикнули мне из торговых рядов, – сын степей, не желаешь купить уникальный меч?

– А что в нем уникального, – пробурчал я, еще не видя, что предлагают, – оружие всегда только оружие...

– Оружие уравнивает слабых с сильными, – сказал торговец, но посмотрел на меня внимательнее и уточнил: – А сильного с десятью сильными. А если оружие еще и хоро-

шее... Разве тебе не нужны веские аргументы в споре?

– Ну-ну, – сказал я, – покажи, насколько веские.

Он отступил, приглашая войти, я переступил порог, тихохонько ахнул. Горожане не воюют, потому у них нет необходимости массовой выделки оружия, когда главное количество, а качество не так важно, зато в единичных экземплярах повыпендриваться могут, могут...

Я пошел вдоль стены, щупал, примерял по руке, купил пару кинжалов, предварительно побросав их в особый щит из плотного дерева. Мечи в самом деле получше того, что при мне, но мысль сразу скользнула к тем особым, что я насоби-рал в странствиях и сейчас ждут меня в Зорре.

– А почему вот эти два простых, – спросил я, – намного дороже этих красавцев?

– Это древние, – объяснил торговец почтительно. – Их нашли в старых руинах.

– И что? Это делает их могущественными?

Он пожал плечами.

– Никто так не говорит. Но все равно, такие мечи всегда ценятся выше.

– За достоинства или только за древность?

Он ответил спокойно:

– Среди таких в самом деле иногда попадаются... непро-стые.

– Но сразу не угадать?

Он чуточку улыбнулся.

– Обычно их свойства открывают случайно. И то, бывает, не те, кто купил, а их дети. Или внуки.

Я подумал, махнул рукой.

– Я не рискованный человек. Но мечи у тебя в самом деле неплохие. Я бы взял вот эту оглоблю...

– Двуручник?

– Да.

– Хороший выбор, – сказал он почтительно. – Превосходная сталь. Заточен, как бритва... Смотрите.

Он подбросил тончайший платок, тот распростер крылья и опускался медленно, словно облачко, но когда коснулся подставленного меча, так же неспешно распался на две половинки и продолжил опускаться, пока не лег на пол.

– Прекрасно, – одобрил я, хотя такая острова хороша только здесь, где почти все бегают полуголыми, но не в бою с закованными в стальные латы рыцарями. – Кто ковал?

Он сказал почтительно:

– Лучший оружейник Тибора. Если отнесете меч ему, за небольшую плату высечет на нем ваше благородное имя.

– Да, – сказал я, – имя у меня благородное, дальше некуда. Ладно, давай подберем ножны.

Глава 5

Раскаленное до белизны небо медленно превращалось в синее. Сверкающая даль потеряла жесткий блеск и окуталась нежной дымкой, предвестником близкого вечера. Через проем городских ворот вошли друг за другом невероятно высокие верблюды, надменные и величавые, гордо выгибающие и без того причудливо загнутые шеи.

На меня посмотрели свысока, головы маленькие с темными глазами степняков, крупные продольные ноздри подрагивают, улавливая смену запахов степи на пышное буйство городских ароматов. Взгляд умных, как у гильгамешей, глаз скользит по всему свысока, мудрецы не вникают в мелочи, а любой город – это всего лишь большое стойбище...

Часовые с поспешностью вышколенных слуг распахнули передо мною створки ворот, хотя стража за это время сменилась, то есть мир постепенно добреет. Я кивнул с непривычной для варвара любезностью, в этой жизни насилие – не выход, и я дам в морду любому, кто со мной не согласен.

Дворец под заходящим солнцем полыхает красным огнем. Крыша в пурпуре, почти неотличима от горящих громад облаков, а верхушки деревьев сверкают золотыми листьями.

Из боковой двери, почти такой же роскошной, как и парадный вход, вышел, окруженный обнаженными до пояса кочевниками, высокий мужчина в кожаных штанах степняка, с

широким красным поясом, в коротких сапожках, но рубашка на нем из тончайшего полотна, широкий ворот небрежно расстегнут, видны амулеты на золотой цепочке.

К нему обращаются почтительно и даже подобострастно, он отвечает коротко и повелительно. На меня словно пахнуло холодным ветром, свежим и одновременно несущим нечто опасное, словно тащит за собой грозовую тучу. Высокий, лет под пятьдесят, хотя могу и ошибиться, крепок и широк в кости, сухощав, толстые жилы молча говорят о силе и крепости тела. Обожженное солнцем лицо не по-степняцки удлинено, даже глаза не привычно темные, а пугающе прозрачные, словно высокогорный лед.

Я присматривался к нему, чувствуя себя так, словно наблюдаю за опасным хищным зверем, что мурлычет и ласково щурится на солнце, но в любой момент может вцепиться в горло.

По виду, из того взрывного теста, которое дает чингисханов и аттил, двигается неспешно, но энергия из него хлещет и переполняет его телохранителей.

Между бесстыдно цветущими деревьями по аллее в нашу сторону шел чем-то сильно раздраженный Ланаян, за ним едва поспевают двое стражей. Он на ходу жестикулировал, отдавая приказы, стражи кивали и что-то говорили, оправдываясь, слабыми голосами.

Заприметив меня, он взмахом руки послал их к воротам, сам подошел, нахмуренный, настороженный и злой.

– Чем-то могу помочь?

Я покосился на его начищенный панцирь, служака, таким нравится бдиль и охранять, поддерживать строгий порядок.

– Можешь...

– Чем? – потребовал он.

Голос его звучал резко, хотя я видел, что начальник стражи пытается его смягчить, ссоры с диким варваром не в его интересах, напротив, его работа – обеспечить тишину и покой в саду и дворце.

– Не знаю, – ответил я откровенно. – Знаю, только что помочь может всякий.

Он посмотрел поверх моего плеча на выглядывающую рукоять двуручного меча, перевел взгляд на новенькую перевязь.

– А вы не успели помочь себе самому в городе? Вино, женщины, драки?.. Меч, как вижу, выделки наших оружейников. Хорош?

– Очень, – признался я. – Чувствуется, что не воюете.

– Почему?

– Слишком хорош, – объяснил я.

Он нахмурился.

– Не понимаю.

– Когда воюют, – объяснил я, – делают оружия много. И когда много – качество хромает. Этот делали неспешно, очень неспешно. Он слишком хорош, даже из ножен вынимать жалко, а то затупится.

Он кивнул.

– Да, у нас мечи такие. А как наши таверны, женщины?
Я бесстыдно ухмыльнулся.

– Настоящие мужчины всегда все успевают.

Он не отводил взгляда, ветерок с моей стороны, так что почувял бы запах вина. И женщинами не пахнет в том смысле, что когда мужчина выходит от таких, по нему видно, где был и что делал.

– Вы похожи на человека, – произнес он сухо, – который успевает в самом деле. Вас устроили удобно?

Я отмахнулся.

– Нам, детям степи, удобно везде. Кто вон тот человек?

Он даже не посмотрел, куда я указал взглядом, все еще всматривался в мое лицо.

– Конунг Бадия, – ответил он негромко. Лицо стало непроницаемым, словно маска жреца из дерева. – Степной вождь племени мергелей. Довольно сильного и многочисленного, а теперь, усилиями конунга, еще и богатого.

– А что он делает здесь? Гонялся бы за козами...

Глаза начальника стражи чуть сузились, я не понял, на что так он среагировал, а ответил еще тише и после выжидательной паузы:

– Да, я вижу, вы не просто издалека, а... очень издалека. Здесь, в королевстве, уже все знают, что хотя правит Его Величество, приказы все чаще отдает Бадия. Ему в городе жить нравится больше. Вообще-то многим из кочевников это нра-

вится, но конунг достаточно силен и отважен, чтобы осмелиться такое говорить вслух.

– Да, – пробормотал я, – по нему видно, что силен... и осторожен. Очень важное сочетание для политика.

Ланаян кивнул, и хотя выражение глаз прячет, но я заметил блеснувшие в них искорки.

– Да, ему среди вождей нет равных. К примеру, ярл Элькреф перед ним младенец.

Я пропустил мимо уже неслучайное упоминание ярла, к которому я прибыл, поинтересовался:

– А что его мергели? Еще не готовы растерзать за отступление от древних обычаев и за поклонение чужим богам?

– Кто-то готов, – ответил он осторожно, – кто-то нет.

– Почему?

– Почему нет единодушия?

– Да, – сказал я. – Как же честь рода, племени, верность отцам и традициям?

Он помолчал, вид такой, словно решает, что мне можно сказать, что еще рано, вот так и бывалые солдаты становятся осторожными царедворцами.

– Да, – проговорил он, – такие случаи бывали... в других племенах. Но конунг умен и все учел.

– Как?

– Часть старейшин, – ответил он, – сумел поселить здесь... сперва как бы временно для каких-то дел, а потом те и сами ощутили сладость жизни в большом городе.

– Я их видел, – сообщил я. – Когда ходил по городу. Выглядят, как вороны среди павлинов.

Он чуть усмехнулся.

– Вы, дети степей, выражаетесь очень образно.

– А вы?

– Мы предпочитаем точность.

– Чем здесь занят конунг?

Он ответил четко, хотя еще больше приглушил голос:

– Сейчас конунг все больше забирает власть в королевстве, хотя король, как мне кажется, этого даже не замечает. А если и замечает, то втайне рад, что с его плеч снимают тяжесть управления.

– Или не хочет замечать, – предположил я. – Когда ничего не можешь сделать, лучше делать вид, что все хорошо. А как вам это?

Я как выстрелил вопросом, но Ланаян не повел и бровью, смотрел мимо меня на дворец, лицо ничего не выражает, в глазах снова непроницаемая завеса, лишь вздулись желваки, но это можно трактовать по-всякому.

– Я всего лишь начальник стражи, – обронил он наконец. – Я слежу за порядком.

– За старым или новым?

– Некоторые полагают, – произнес он ровным голосом, – порядки совсем не изменятся.

– Ух ты! Почему?

– Город сам всех меняет, – пояснил он все тем же чересчур

равнодушным тоном.

– А как считаете вы?

Он посмотрел на меня в недоумении.

– А вам это надо? Хорошо, мое личное мнение, но только личное, если конунг возьмет власть в городе, все будет зависеть от того, как много он возьмет в город людей. Своих, кочевников.

– А в чем разница?

Он нервно дернул щекой.

– Железной рукой управляет только телохранителями. В его племени, как у вас всех, – свобода. Пока кочевники заходят в города только для торговли, они ведут себя согласно древнему Закону о Мире, что подписали после окончания первой войны города и кочевники...

– А была и вторая?

Он с досадой отмахнулся.

– Не цепляйтесь к словам. Кочевники захватили Гандерсгейм в первой и единственной войне, но договор с побежденными составили мудро. Кто их надоумил, не знаю, однако все сотни лет он устраивал обе стороны. Кочевники страшатся городов, как чумы. Кто соблазняется нашим укладом и переезжает в город, тот навсегда потерян для племени! И потому все их обычаи направлены на то, чтобы углубить между нами незримый ров. Однако, если конунг приведет в город слишком много своих людей...

Он умолк, я наконец увидел на его лице признаки силь-

нейшей тревоги, он даже вздохнул глубоко и чуть задержал дыхание, будто прыгал в холодную воду.

– Нарушится равновесие, – пробормотал я. – Кочевники могут не раствориться, если их будет много.

Он вздохнул, плечи опустились.

– Не знаю, я не политик. Может быть, это и хорошо?

– Что хорошего?

Он взглянул на меня искоса, но так быстро, что я едва заметил.

– Может быть, к лучшему изменится их отношение к глиноедам.

Произнес он спокойным и таким нарочито ровным голосом, что я сразу насторожился, но в лоб спрашивать – выявить свое незнание обычаев, тоже мне сын степей, я помедлил и поинтересовался еще равнодушнее:

– Какую часть нашего отношения ты имеешь в виду?

Он опустил голову, не давая увидеть выражение его глаз, нарочито помедлил, а потом рывком вскинул и остро посмотрел мне в глаза.

– Общее. В стойбище кочевников все глиноеды могут быть только бесправными рабами.

Я ощутил, как из-под меня выдернули пол. С застывшей полуулыбкой пробормотал, чувствуя фальшь каждого слова:

– А-а-а... ну, это ты преувеличиваешь немного...

Он смотрел в упор, я уже приготовился к разоблачению, сейчас он скажет, что я такой же сын степей, как он – король,

придется что-то мямлить скользкое и загадочное про... например, тайную миссию по поручению заморского императора... или я здесь вроде Марка Поло... однако Ланаян лишь сказал холодно:

– Разве в вашем племени не так?

– Гм, – сказал я, стараясь, чтобы не звучало торопливо, – тут дело в другом... Понимаешь... как бы это тебе попонятнее... Сейчас сам соображу и тебе на пальцах... Нам приходится от вас защищаться, чтобы не потерять свою исконность и самобытность! Гнить всегда приятнее и сладостнее. Для этого и стараемся не заходить в города. Но если вы сами припретесь к нам в стойбища – нам вообще конец. Потому можете у нас быть только в виде презренных рабов. Это даже не от нашей звериной жестокости – это самозащита.

Он посматривал с удивлением, словно на говорящую лошадь, варвар не должен знать ничего о самобытности, а если и догадываться, то лишь мычать и разводить руками.

– Самозащита? А что тогда нападение?

– Нападение, – сказал я, – лучшая защита. Потому когда вы явитесь в стойбище и поселитесь там, любой кочевник сможет входить к вам в дом, насиловать вашу жену и детей, а если глиноед воспротивится или просто начнет роптать – мы вправе преспокойно искалечить или даже убить по Закону Степи. Словом, живите сами и не мешайте нам жить по своим обычаям. В смысле, не демонстрируйте свои гнилые порядки перед нашим носом, потому что с горы всегда

легче катиться, чем взбираться... Но вот, объясняя тебе, я и сам наконец понял! Если конунг приведет с собой слишком много народу, переварить будет трудно, так?.. Город легко проглатывает одиночек, но вам не хотелось бы образования целых кварталов, где будут жить кочевники?

Он кивнул.

– Точно.

– Ты умен, – сказал я с удивлением. – А по тебе не скажешь.

Он буркнул с неудовольствием:

– Ну, спасибо.

– Ну, пожалуйста, – ответил я. – А что говорит Его Величество король Жильзак Третий?

– Его Величество, – ответил он сумрачно, – вместе с его советниками считают возможность каких-то трений в процессе переваривания исчезающе малой. Дескать, конунг цивилизован, ему не нравятся дикие обычаи племени, он очарован культурой города и горожан, он постарается побыстрее вытравить из своих собратьев кочевой дух... зато торговля точно расширится, мастерские можно поставить ближе к рудникам, изделия подешевеют, можно будет разорить соседние королевства и постепенно установить над ними свою власть...

– Да, – согласился я, – такие перспективы могут исказить... гм... перспективу. Порядки не изменились бы, даже захвати власть соседний король. Но квартал кочевников...

гм... Ладно, спасибо, я кое-что понял. Буду думать.

Он сказал так же безучастно:

– Когда что-то надумаете, дайте знать.

– Зачем?

– Начальник стражи, – ответил он, – следит за порядком, если вы еще не знаете. Не только во дворце.

Я подумал, пробормотал:

– Вообще-то я больше знаток по беспорядкам, это мы все умеем лучше. Но некоторые новые порядки бывают хуже старых беспорядков.

Он промолчал, я кивнул и, не рассматривая, каким жестом ответит начальник дворцовой стражи, пошел в боковое крыло, где располагаются особо знатные гости, но на полдороге замедлил шаг, вроде бы чем-то очень заинтересовался, даже остановился, а сам продолжал исподтишка всматриваться в эволюционирующего конунга.

Придворные гнутся перед ним, как тростник на ветру, говорят много и перебивают друг друга очень не по-мужски, что лишь добавляет к ним презрения, вижу по лицу кочевника.

Спесиво-покровительственно смотрит, как сам чувствую, потому что в этой галдящей толпе угодливых существ нет мужчин, хотя все в штанах, но одежда еще не делает мужчиной, этим глиноедам недоступны радости бешеной скачки на горячем коне по бездорожью, по кручам, по вольной степи, когда земля гремит под копытами, а звездный купол

неба красиво выгибается над головой...

И в то же время нельзя не признать, что живут эти городские черви очень уютно, удобно. Пребывание их на земле полно удобств и сладости, а распутные женщины городов дают больше чувственных наслаждений, чем худые и жилистые гордые дочери степей. И еда здесь разнообразнее, вкуснее и богаче, чем незамысловатая пища кочевников...

И потому, подумал я, ты готов полностью стать горожанином. Но только на своих условиях, понятно. Ты не мыслишь себя на вторых ролях, верно? А нет ли вообще желания стать королем, хладнокровно вырезав вместе с правителем и его семьей всю верхушку знати, освобождая места старейшинам и доблестным воинам, которых уже привлек на свою сторону? Почему надо ограничивать себя созданием одного изолированного квартала в городе, если можно установить жестокое правление железной руки? Ты же лучше знаешь, что этому стаду нужен строгий пастух и крепкая плеть в его руке...

В чем-то мы похожи, мелькнуло пристыженное. Я тоже... гм... В оправдание могу проблеять, что не для себя стараюсь, как этот гад, а для построения Царства Небесного на земле. А для этой великой цели можно и того... гм... под нож, если уж очень понадобится. Других заметных вариантов не будет очень долго. В то же время построение Царства Небесного ждать не может.

Конунг скрылся из виду, я пошел к распахнутой из-за жа-

ры двери дома для гостей. В черепе началась работа над новыми вариантами, в это время над головой раздался холодноватый голос:

– Герой возвращается после поисков приключений?

На цокольном балконе облокотилась обеими руками о перила принцесса Элеонора. Ее темные глаза смотрят ничего не выражающим взглядом, иссиня-черная грива волос падает на плечи крупными локонами, а переплетена настолько яркими пурпурными лентами, что трудно оторвать взгляд от дивного сочетания черного с красным.

Я вскинул голову, сейчас принцесса на две головы выше меня, лицо строгое даже не по строгости, а таким вылеплено: без привычной для женщин зализанности и милой закругленности черт.

– С вашего разрешения, – ответил я учтиво.

– И много отыскали?

– Я их не ищу, – ответил я.

– Сами вас ищут?

Я пожал плечами.

– Иногда находят.

– И...

– Не избегаю, – ответил я тверже. – Сразу хочу ответить, что никого не убил, не ограбил, не изнасиловал, как вы явно ждете. С вашего позволения, я пойду спать, несравненная принцесса. Надеюсь, завтра утром ярл Элькреф сумеет составить ответ.

Ее лицо передернулось, никто не смеет разговаривать вот так, когда оказывают высокую честь общения с высокородными, но совладала с собой и проговорила ледяным голосом:

– С вашей стороны было очень неосмотрительно вступить за ту женщину.

– Какую?.. Ах да, ну и мелочный вы человек... в смысле, помните такие мелочи. Почему неосмотрительно?

– Вы побили челядь, – обронила она еще холоднее, заметив, но не акцентируя не совсем честный намек на мелочность. – Ведь если бы со стен спустились воины...

Я учтиво поклонился.

– Можете пригласить. Обещаю, ваш сладкий сон будет испорчен.

– Что вы имеете в виду?

– Умение красиво махать мечами здесь, во дворе, – ответил я, – это не то, что в кровавых битвах с сен-марийскими рыцарями. А я могу перестать себя сдерживать.

Она помолчала, взгляд стал серьезным.

– Да, в вас чувствуется эта отвратительная жажда не только бить, но и... убивать.

– Путь воина, – возразил я гордо. – Убивать нужно с первого удара. Второго может не быть.

– Все кочевники – дикари, – сказала она с отвращением. – Вы все полуголые, это отвратительно, и не расстаетесь с оружием.

Я возразил миролюбиво:

– Цивилизованного человека раздеть хотя бы до пояса и дать в руки меч – тоже станет дикарем. Не только с виду.

Она воскликнула с возмущением:

– Ни за что!

– Уверены?

– Элькреф, – произнесла она твердым голосом, – никогда не выйдет на улицу с обнаженным торсом. И не возьмет в руки оружие!

– Да-да, – согласился я, – он художник, я уже знаю. Но художники могут рисовать только в случае, если кто-то держит по мечу в руках. За себя и за того парня. Который художник.

Она помолчала, лицо оставалось неподвижным, потом тряхнула головой.

– Впрочем, это ваши обычаи... Я в них не вмешиваюсь. А вы не должны вмешиваться в наши!

Я изумился.

– Я? Вмешивался?

Она произнесла надменно:

– И все-таки... та женщина виновата. Вы зря за нее вступились. Во-первых, она негодная прачка. Во-вторых, это наши обычаи.

– Настоящий мужчина защитит даже простую прачку, – с достоинством сообщил я, – если она молода и красива.

Она поморщилась.

– Как избирательно!... А не молодые и не красивые лише-

ны вашей благородной защиты?

Я вздохнул.

– Нет. Их защищаем тоже. Уже по долгу.

– А молодых и красивых? – допытывалась она.

– Их и по долгу тоже, – отрезал я. – Но красивых всегда защищают охотнее. Искреннее! Но я в любом случае, когда вижу обижаемую женщину, забываю все басни о равноправии полов!..

Она вскинула брови.

– О равноправии... чего-чего?

Я отмахнулся, напоминая себе, что не стоит заводитьсь. Женщины с таким лицом обладают и сильным характером. А это значит, им хрен что вдолбишь.

– Не важно, – сказал я почти мягко. – В нашем племени женщины добились равных прав с мужчинами. Тоже ездят в седле, стреляют из луков и даже орудуют мечами. А также имеют право обсуждать воинские вопросы наравне с мужчинами. Но все равно знаем, что они слабее, и потому защищаем... даже если и обижаются.

Она рассматривала меня очень внимательно, словно пыталась отделить правду в моих словах от красивой брехни.

– Странно, – произнесла она. – Я бы не обижалась. Хотя... нет, не знаю.

Я смотрел на нее и раздумывал, почему принцессы почти всегда красивее простолюдинок, это же несправедливо... хотя и объяснимо: на вершину власти пробиваются самые жиз-

неспособные, сильные, неутомимые, умеющие еще и очаровать умением говорить, держаться, увлечь за собой массы.

У таких, понятно, и дети в родителей. Сыновья сильны и отважны, хотя обычно и красивы, но на это обращаем внимание мало, а дочери красивы. Это тоже понятно, уродину король не возьмет в жены.

И потому когда появляется эта Элеонора Гордая, ее подруги тускнеют, как луна и звезды перед восходящим солнцем.

Она обратила внимание, что я смотрю на нее так, как и положено смотреть на женщину: с восторгом, мол, ты самая красивая на свете, хотя я чувствовал, что притворяться не приходится.

– Что-то не так? – поинтересовалась она.

Я покачал головой, не отрывая от нее взора.

– Нет-нет, все так. Просто я на миг подумал, что делает в этом болоте такая сильная и красивая женщина, как вы. У вас есть характер! И красота настоящая, а не сю-сю, няням, паря-пая. Такой красоты достойны только настоящие мужчины. Только они способны ее оценить... Но есть ли такие в вашем королевстве?

Она нахмурилась, польщенная и обиженная одновременно.

– Наше королевство, – сообщила она сильным и красивым голосом, в котором много от рычания львицы и совсем нет милого чириканья, чего всегда ждем от женщин, – самое

крупное в Гандерсгейме... Или одно из самых крупных. Так что ни одна женщина здесь мужским вниманием не обижена.

Я кивнул, принимая, пусть так, сказал медленно, круто меняя тему:

– Я сюда ехал мимо дивной такой красивой горы с отвесными стенами, словно их отрезал тесаком неведомый бог. Это совсем недалеко от городских стен... Что-то я о ней слышал... но не вспомню.

Она нахмурилась, это выглядит впечатляюще, лицо сразу стало злым и жестоким, а в темных как ночь глазах заблистали грозные молнии. Голос стал сухим и с металлическим оттенком:

– Башня мага.

– Догадываюсь, – сказал я. – Что-то все они, как вороны, выбирают деревья повыше.

Жестокая улыбка промелькнула на губах и тут же пропала.

– Не любите магов?

– Кто их любит? – спросил я.

Она пожала плечами.

– Большинству безразличны. Я тоже не обращала внимания на их существование, пока...

Ее лицо стало еще злее, белые зубы хищно блеснули, прикусив губу. В темных, как лесные озера, глазах появилось нехорошее выражение.

– Чем-то задела? – спросил я сочувствующе.

Она процедила сквозь зубы:

– Этот маг отобрал у меня Камень Рортега!

– Волшебный?

– Нет, – ответила она с оттенком презрения. – Почему обязательно волшебный? Насколько я знаю, просто фамильная ценность, передается из поколения в поколение. Считается, что приносит счастье. Какого-то особого счастья не было, но камешек очень красивый. Багровый такой рубин в виде головы дракона. Я его носила на груди. И цепочка к нему старинная, из серебра древней работы, очень красивая... И добро бы отобрал сам маг, а то – его ничтожный ученик!.. Ненавижу магов.

– Да, – согласился я. – Мы просыпаемся, когда на конечности начинают наступать лично нам. Спасибо за изысканную беседу, Ваша светлость!.. Я буду думать о ваших словах всю ночь.

Я поклонился и удалился, весь из себя почтительность, нарушив сразу два правила: ушел, не испросив разрешения у лица благородного сословия, да еще какого благородного, к тому же – не дождавшись, когда женщина отпустит меня сама.

Пусть, мелькнула мысль. Хорошо быть варваром, небритым героям все можно.

Глава 6

Я поставил у ложа свой старый меч, а купленный на рынке двуручник так и не подумал слезать с моей натруженной спины, подушку взбил и вместе с мешком аккуратно укрыл одеялом. Пусть всякий, кто заглянет в окно или в дверь, увидит крепко спящего. Варвар тоже может натянуть одеяло на голову.

Красивый закат воспламенил все небо, солнце медленно сползает к краю земли, а я в личине исчезника выскользнул через заднюю дверь, огляделся.

Из-за угла вышла молодая женщина, в руках медный таз, блещущий красным золотом в лучах заката, в тазу горка белья. Увидев меня, женщина заулыбалась, хотя варваров положено вообще-то пугаться, заговорила воркующее:

– Добрый вечер, господин!

– Вечер добрый, – ответил я. – Не тяжело?

Она хихикнула и подвигала плечом, стараясь, чтобы с него сползла ляжка рубашки.

– Господин так добр...

– Ну-ну, – сказал я с предостережением. – Вроде бы не предлагаю помочь нести. Тем более, стирать...

Она засмеялась еще игривее.

– Господин нашел клад? Огромный, спрятанный драконами?

Я хмыкнул.

– Я клады не нахожу, а отбираю. У драконов, волшебников и всех-всех, кто не отдает добровольно. А при чем клад?

– Ведь двор говорит, – объяснила она, – что вы дали Ахне целую золотую монету!

– И что, – спросил я высокомерно, – это много?

Она сказала восторженно:

– Для нас очень много! Ахна решила теперь вообще уйти с работы.

– Не осуждаю, – сказал я. – Тут такие порядки, что даже не знаю, как вы еще не разбежались.

Она поиграла плечиками, глазами, подвигала бедрами.

– Зато здесь можно встретить таких щедрых героев...

– А-а-а, – сказал я, – ну, шансы есть, верно. Ладно, я спешу, а то бы мы с тобой... сама понимаешь...

И быстро ушел в сад, оставив ее в приятном томлении, уже чувствовала, как золото из моих карманов падает по монетке ей за пазуху.

Попетляв между деревьями, я вышел из королевского сада, тихохонько прокрался в тени, избегая встречных, за городскую стену, а там в ближайших кустах превратился в уродливую горбатую тварь, больше похожую на гарпию, чем на гордого птеродактиля. Хотя, конечно, птеродактиль тоже еще тот красавец, но по сравнению... гм... само совершенство, как Мери Поппинс.

Поколебавшись, я решил не заморачиваться дурыю, эстет

хренов, оттолкнулся от земли и ударил крыльями по воздуху. Взлет показался чересчур легким и непривычно стремительным, что значит – привык к личине тяжелого дракона, и не пошел по восходящей, а взвинтился ввысь, как пущенная сильной рукой стрела.

Верхушка горы еще сверкает в багровом огне, но солнце уже опустилось за край земли, внизу тяжелая, как грехи наши, тень. Я несся быстро и красиво, держа взглядом ту близкую к вершине блестящую плиту, которую присмотрел еще, когда нес Растенгерка.

Каменный выступ, словно брезгливо выпяченная нижняя губа, в длину локтей пять, а в ширину не больше трех, так что я едва-едва сумел опуститься и сложить крылья. Конечно, дракону оставалось бы только висеть, ухватившись за край, но в человеке так, боюсь, не сумею...

Я все время помнил, что надо прижиматься к стене, и когда снова ощутил себя в людском теле, меня так вжимало в камень, словно намеревался превратиться в барельеф. Краем глаза поймал бездну справа, такая же слева, а что сзади – подумать страшно, только и остается, что распластаться по каменному обрыву, отчаянный же я человек, никогда бы не подумал.

Никто не убивает сразу, подумал я, обнадеживая себя. Тем более, маги, все-таки представляют в своем лице думающую прослойку, а нам всем свойственно любопытство, что родня любознательности. А я такой гусь, что меня хоть сей-

час в дипломированные переговорщики, кого хоть уболтаю и перевербую, дайте мне только разойтись и пожонглировать доводами и понятиями...

Плита исчезла внезапно. Я рухнул лицом вниз, в последний момент успел выставил ладони, упал на них, отжался и осторожно поднялся.

В толще горы появился широкий проход, пахнуло теплым воздухом жилья с едва заметным ароматом химикалий. Я поднялся на дрожащих ногах, но заставил себя приободриться, мне же недвусмысленно открыли дверь, ну пусть не саму дверь, но вход.

Пару осторожных шагов по проходу, и дыхание сперло, как у вороны при виде сервированного королевского стола с множеством золотых и серебряных ложек.

Зал настолько огромен, что даже не понимаю, как помещается в вершине горы. Далеко разнесенные одна от другой стены из грубо обработанного гранита медленно и музыкально плавно переходят в идеально выровненные, отшлифованные, а затем и украшенные богатым замысловатым барельефом. Я в полутьме, как и эта треть зала, а дальше льется золотой свет, в ясном золоте пол, стены, высокий свод, оттуда появляются и медленно опускаются словно продавливаются сквозь воду пруда, опавшие листья – пурпурные, желтые, оранжевые, багровые, и все таких чистых оттенков, что у меня защемило сердце от глупого и непонятного восторга.

И не сразу я увидел то, что должен бы увидеть в первую

очередь: в глубине зала, где все так же никакой глупой роскоши, а изысканный и продуманный дизайн, три длинных стола с множеством реторт, колб, тиглей, больших и малых чаш с горящими углями, кипящей жидкостью, цветными камнями, если это камни, с толстыми пучками корешков и растворами в склянках...

В тонкостенных ретортах жидкость бурлит и клокочет, я даже на таком расстоянии ощутил сильнейший жар, но только под одной увидел жарко пылающие угли. Остальные тигли погашены, один так вообще даже не закопчен, хотя в нем плавится странный металл зеленого цвета.

Я посмотрел тепловым, в трех шагах от меня застыл в неподвижности багровый силуэт человека, меньше меня ростом, что естественно, конечности почти коричневые, зато голова полыхает оранжевым...

– Здравствуйте, – сказал я почтительно, – слышан о вашей великой мудрости и поспешил поклониться вам, а также засвидетельствовать свое глубокое, даже глубочайшее почтение.

Вокруг багрового силуэта возникла дымка, я понял правильно и вышел из теплового режима зрения. Чародей покинул невидимость и неподвижно рассматривает меня все так же напряженно и с великим подозрением. Странное излишне вытянутое лицо, очень бледное и с нездоровой желтизной, абсолютно безбровое, что придает глазам добавочную живость и выразительность. Череп абсолютно голый, свет факе-

лов играет зайчиками на мощном куполе в догонялки, все не в силах удержаться на скользком и постоянно срывается на узкие плечи в длинном традиционном для колдунов и волшебников халате, расписанном хвостатыми звездами.

– И только? – спросил он резким голосом.

– Это цель всей моей жизни! – заверил я жарко.

Он спросил еще резче:

– Что вас привело на самом деле?.. Не двигайтесь, Черное Жало уже касается вашей спины. Отвечайте честно или умрете.

Я застыл, чувствуя холодок смерти, едва проговорил дрожащими губами:

– Отвечаю честно, ибо умереть желания никакого нет... Кроме великого почтения к вашей мудрости... меня привела еще и жажда узнать, где находятся... огры.

Его глаза чуть расширились, он долго всматривался в меня, словно не верил, что видит, я видел, как его взгляд меняется, обшаривая меня с головы до ног.

– Да, ты не соврал... – пробормотал он озадаченно. – Удивительно!

– Что есть такие честные люди? – рискнул я спросить.

– Что ради такой ерунды...

– Знания, – сказал я, – сила.

– Гм, но почему огры?

– Тороплюсь, – объяснил я. – Если вы так легко определяете, когда человек говорит правду, а когда врет, то посмотрите,

рите на меня еще раз!

Он сказал с угрозой:

– Я все время на тебя, дикарь, так смотрю. И если станешь врать, замечу сразу. Даже по мелочи.

– Меня в самом деле интересует только места обитания огров, – сказал я. – Нет, это ложь, меня многое интересует, в том числе и вы, потому что я вообще любопытен, а к магам питаю величайшее уважение, как к людям, добывающим знания... но сейчас именно огры, да, у меня к ним дело.

Он слушал внимательно, скривился. На вообще-то неприятном лице отразилось колебание, словно не решил, что со мною делать и как умертвить, чтобы не забрызгать стены, наконец проговорил в сомнении:

– Я не жалею гостей. Ничего хорошего от них не бывает. Однако ты заинтересовал. Хорошо, заходи.

– Спасибо, – сказал я поспешно. – Я трепещу от почтения. Знаете, всегда восторгался магами, хотя сам по врожденной лени выбираю пути попроще.

– Иди вон туда, – прервал он.

– Да-да, – сказал я угодливо. – Я всегда говорил, что нужно слушать не сильных, а мудрых. За что и получал...

– Неудивительно, – буркнул он. – Топай, топай!

– Как скажете, господин...

Он сказал брюзжащим голосом:

– Иди прямо!

– Дорога мужчин! – сказал я с восторгом. – Мы всегда

идем прямо и только вперед, как крокодилы, и не отступаем, хвост не дает...

Он прервал:

– Во-о-он тот стол, видишь? За него и садись. Никаких резких движений, моя охрана бывает чересчур бдительной.

Я не видел никакой охраны, но это не значит, что ее нет: маги помешаны на безопасности. Чем больше человек приобретает знаний и опыта, тем больше страшится потерять накопленное от удара дубинкой дурака или ножа пьяного прохожего.

Стараясь двигаться осторожно и не делать резких движений, я тихохонько двигался в глубь зала. С середины зала под ногами зашуршали эти странные опавшие с каменного потолка листья, все такие же золотые, багровые, пурпурные, оранжевые...

Маг, шикарно блестя голым черепом, двигался в сторонке, лицо недовольно-презрительное, вдруг спросил раздраженно:

– Чем тебе так не нравится моя лысина?

Я охнул.

– Что вы! Совсем наоборот! Лысина – это полянка, вытопанная мудрыми мыслями. Вы же знаете, как это обычно бывает у нас: в голову мысль пришла, но никого не застала. Или кому-то в голову явилась, а там уже была одна – подрались. Но потом помирились, теперь у такого их две...

Он покосился на меня все еще с раздражением, но смол-

чал, а я шел и едва ли не по детской привычке загребал ногами листья. За толстенной колонной, закрывающей вид, открылся весь зал. Свод теряется в звездной высоте, по обе стороны вдоль стен исполинские статуи. Таких изысканно сложных чудовищ я не мог и вообразить. А вдали нечто вроде гигантского камина, перед ним к нему спинкой трон на возвышении с тремя ступенями. Над камином нечто вроде застывших складок исполинского занавеса из красного камня, по бокам черные выпуклые круги, похожие на щиты великанов.

Листья продолжали медленно опускаться на пол. Я протянул ладонь и поймал один – еще сочный, пурпурно-красный с оранжевыми прожилками, живой, но уже с отпавшим корешком.

Маг поглядывал с интересом.

– Мне кажется, – сказал он неожиданно, – тебе нравится ходить вот так по лесу, загребая ногами листья?

– Угадали, – ответил я с неловкостью.

– Почему? – потребовал он.

Я пожал плечами.

– Не знаю. Дурак, наверное.

Он фыркнул.

– Что-то слишком легко признаешься в дурачности!

– Но не в слабости же? – воскликнул я бодро. – Дуракам везде счастье! В жизни за все приходится платить, но дуракам – скидки. Пока дурак встанет на ноги, скольким он переломает шею – разве это не счастье? У нас, дураков, дорога

всегда прямая и проторенная. Дай нам, дуракам, точку опоры, и мы сумеем поставить в дурацкое положение весь мир. Так что дураком быть здорово... А как мудрым стать, у нас каждый дурак знает!

Он ошалело таращил глаза, даже потряс головой, стряхивая умности, наконец проговорил в некотором недоумении:

– Да-а, впервые вижу такого... дурака.

– Нет ничего разносторонней, – сказал я хвастливо, – чем интересы дураков. Я слышал, что самые умные мысли приходят в голову именно при наблюдении за дураками! Потому что дураки и мудрецы похожи – мы не такие, как люди средние и ограниченные.

Он посматривал внимательно, мою браваду просек, за личиной дурака прятаться удобно, но трудно, опытный глаз раскусит притворство быстро, а этот маг, похоже, меня переоценил еще раз.

– М-да, – согласился он, – мы на них не похожи. Более того, они всех нас одинаково считают дураками.

Мимо нас проплывают стол с колбами и тиглями, закопченные котлы, одни из сырого чугуна, другие из незнакомого металла и настолько изысканной формы, что какие к черту котлы, это что-то иное, приспособленное под дикарские котлы...

Справа и слева между статуями зашипело. Кверху выстрелили струи пара, маг не обратил внимания, мне даже показалось, что чуть-чуть поморщился, я тут же спросил:

– А что это значит?

Он отмахнулся.

– Я не уверен, что это сделал я. Если я, то побочный эффект, а скорее всего, так происходило и раньше. Да-да, этот зал не я создал! Просто занял и кое-что приспособил.

Справа от трона в стене бушует огненная дыра, в которую проскочила бы повозка с двумя лошадьми. Я смотрел с содроганием, такими должны быть внутренности Солнца, звездный жар которого сожжет неосторожно приблизившуюся Землю, как муху.

Слева от трона так же аккуратно очерченная, словно циркулем такого же диаметра, абсолютно черная дыра, где исчезают все тени, отблески, искры, а также беспечно залетающие туда опадающие листья.

– А листья откуда? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Мог бы соврать, что это я так создал, но на самом деле... листья всегда вот так. Всегда! Но никогда слой на полу не становился слишком... неэстетичен. А только вот так: красиво, торжественно, слегка грустно, осень все-таки...

– Вечная осень?

– Красивая пора, – сказал он.

– Осень этим летом удалась на славу, – согласился я. – Вообще осень – это постаревшее и поумневшее лето. Ценю ваш вкус!

Он промолчал, мы подошли к дальнему столу, там пусто,

я вопросительно посмотрел на мага, тот кивнул, я опустился на стул. Чуть не подпрыгнул, чувствуя, что задница погружается в жидкую теплую глину, однако та моментально затвердела, я ощутил, что еще никогда не сидел на таком удобном сиденье. Даже подлокотники молниеносно подстроились под высоту, длину и ширину моих рук.

Маг прошелся вдоль стола взад-вперед, будто не решаясь сесть или не выбрал место, стул двигается вдоль стола, словно намагниченный, и когда маг остановился, с готовностью забежал сзади и даже боднул под колени.

– Значит, – проговорил маг, – ты добрался сюда... ага, превратившись в птицу. Ну, что-то вроде птицы. Любопытно, не чувствую остаточной эманации... Какой-то новый вариант... И вообще...

Я сказал скромно:

– Хоть я и молодой маг, но какие-то мелочи освоил.

– Это не мелочи, – пробормотал он, – но, с другой стороны, в самом деле не знаешь и не умеешь многих мелочей, которые обязательны даже для учеников мага...

– Я самоучка, – сказал я еще скромнее. – Из медвежьего угла. Меня зовут Рич, я человек простой и простодушный.

Он оглядел меня оценивающе, странное ощущение, когда вот так упорно смотрит безбровое лицо, даже ресниц нет, а сетчатка постоянно меняет цвет.

– Меня зовут Сьюмас Макманус, – произнес он.

– Красивое имя, – сказал я, от лести еще никто не уми-

рал. – А фамилия еще лучше.

– Это не фамилия, – сказал он небрежно.

– Прозвище?

– Да.

– Что-то значит?

– На древнем языке, – ответил он сухо. – Итак, Рич, я вижу, вы молоды и сильны... Гм, достаточно странное сочетание для мага.

Я отметил, что маг перешел на «вы», похоже, начинает уважать, рискнул поинтересоваться:

– Почему?

Он хмыкнул.

– Для вас новость? У кого сила – идет путем силы. Дорога славы с мечом в руке, копьем, боевым топором... Магами становятся либо старики, либо увечные. Чтобы путь мага выбрал молодой... гм... нужно, чтобы он был хил, тщедушен, болен, подвергался насмешкам за слабость и неумение дать сдачи...

– А-а-а, – сказал я, – вы гений, сказали все точно! Я именно такой. Там, глубоко внутри. Хил, слаб и тщедушен. Это называется комплексами. Я тоже, кстати, ни разу не видел молодого мага. А если увижу... то это будет либо трус, либо подлец.

Он хмуро усмехнулся.

– А вы, будучи магом, хотите сохранить несвойственные магу ценности? Характерные для прошлой жизни?

Я сказал очень осторожно:

– Чтобы отказываться от прошлых ценностей, нужно увидеть преимущества новых... А я их пока вообще не увидел.

– Преимуществ?

– Вообще ценностей. Если не считать ими постоянное расширение кругозора.

Он пробормотал:

– Странный вы человек... А что нужно еще?

– Разве это ценности? – спросил я. – Ценности – это... рыцарская честь, верность слову, доблесть, готовность к подвигу, любовь к женщине... Да-да, я понимаю, что это не ценности для мага, но... они же должны быть? Что-то взамен?... Вы не против, что я со своим угощением?

Глава 7

Он промолчал, я сосредоточился, на столе начали появляться деликатесы, в которых я уже наловчился и умением создавать которые бессовестно пользуюсь. Запахло тонко, изысканно, я сам остро ощутил нежность сыра, возбуждающую сладость ветчины и карбонада, аромат медовых пирогов.

Сьюмас не шевелился, но я чувствовал, с каким напряжением работает его мозг, стараясь уловить следы магии, создавшей все это, и по ним постараться определить, как это делается. Зрачки расширились, возможно, тоже перешел на иное зрение, дыхание пошло чаще, на висках вздулись синие вены, потемнели, ставши похожими на сытых пиявок.

Я в завершение создал целую горку мороженого с шоколадом, ягодами и орехами, в том числе и самыми экзотичными, включая папайю, киви и манго.

– Даже насекомые ходят друг к другу с подарками, – пояснил я, – а мы еще те насекомые, всем насекомым насекомые, любого перенасекомим и занасекомим.

Он быстро осмотрел сыр и мясо, на сладости не обратил внимания, придвинул блюдце с мороженым, всмотрелся. Под его взглядом появилось заметное углубление, я думал, что маг так начинает есть, но он неторопливо поднял ладонь и пошевелил пальцами, блеснула изящная серебря-

ная ложечка.

Я затаил дыхание, наблюдая, как он смакует, потихоньку создал еще ванильное, сливочное и ягодное, однако маг даже не повел в их сторону взглядом, что и понятно, это всего лишь частности, неторопливо ел, даже смаковал, а когда закончил, поднял на меня жутковатый взгляд безбровых и потому особенно выразительных глаз.

– Удивительно. Мелочь, но как-то прошла мимо меня.

– В нашем медвежьем где, – сказал я несмело, – знают такое, что не снилось горациям.

Он кивнул, не обратив внимание на упоминание каких-то горацев.

– Так бывает. Старинные заклятия горцев, передающиеся из поколения в поколение...

– Истинно так, – поддакнул я.

– Важного в них обычно нет, – пояснил он, – иначе они бы вышли из ваших медвежьих... хотя есть возможность...

Он задумался, глядя на меня пытливо. Я вздрогнул и вперил взгляд через его плечо, из колбы с бурно кипящей зеленой жидкостью начало выкарабкиваться нечто ярко-изумрудное, блестящее, словно ртуть.

Сьюмас проследил за моим напряженным взглядом, оглянулся.

– А-а, вам мой ньюбик приглянулся? Нет, не отдам, самому нужен...

Зеленый ньюбик, похожий на жабу и осьминога разом,

проковылял по столу до следующей колбы, где точно так же бурлит на жарком огне синяя жидкость. Я не отрывал взгляда, пока он протискивался через узковатое для него горло.

До нас доносилось пыхтение и сопение, лапки ньюбика дрожат от усилий, наконец он плюхнулся в кипящую жидкость и блаженно растянулся на дне колбы поближе к огню.

– Что он делает? – пробормотал я.

Сьюмас отмахнулся.

– Трансформируется. Не все же могут с помощью магии, как вот вы... Не встречали таких? Странно, они как раз только в медвежьих углах и сохранились. Вот здесь описание с иллюстрациями.

Он поднялся, взял с соседнего стола обеими руками книгу, я сперва принял ее за мраморную плиту, поднял с кряхтением и, тяжело ступая мелкими шажками, перенес к нам на стол. Тот качнулся и просел, как гуттаперчевый, под внезапной тяжестью.

– Что-то слабею, – проворчал маг. – Раньше по две такие брал.

Я сказал:

– Могли бы меня попросить...

Он посмотрел несколько странно, мне впервые почудилось мрачное веселье.

– Правда?

– Ну да...

– И вы перенесли бы?

– Конечно, – ответил я с достоинством. – Старость надо уважать... вроде бы. Дураки вон точно уважают! И варвары всякие. А я и дурак, и варвар, полная гармония.

Он хмыкнул.

– Ну, тогда перенесите обратно.

Недоумевая, я взялся за книгу, в самом деле весит, как плита мрамора, приподнял чуть, но пальцы разжались, книга осталась на месте. Я напряг плечи, задержал дыхание, книга оторвалась от столешницы, в глазах мага мелькнуло удивление, но мои пальцы снова не удержали тяжесть, а мышцы рук заболели от сверхнагрузки.

Он сказал весело:

– Не тужьтесь. Дело не в том, что велика... страницы из шкуры ягордиса, а они даже выделанные тяжелее золота.

Я пробормотал ошарашенно:

– Но вы же... перенесли?

Он сказал так же весело:

– Просто я посильнее вас, не в обиду будь сказано. Но пусть это вас не терзает! В состязаниях за невест участвовать не стану... ха-ха.

Я пробормотал:

– Вы и это знаете?... Откуда?

– Королевство Тиборра, – сказал он, – разве вы не оттуда? Там уже готовятся к схваткам, а вы, как вижу, вполне призовой боец... И шансы у вас высоки.

Я пробормотал:

– Высоко сажу, далеко гляжу?.. Но тогда, наверное, знаете, что и я участвовать не буду.

Он окинул меня оценивающим взглядом.

– Странно, вы могли бы.

– Приз для меня не ценен, – пояснил я.

Он кивнул.

– Вообще-то, уже верю. Вы успели познать радости слаже, чем женские постели.

Он тщательно протер столешницу чистой тряпкой, идеально ровная, как стекло, требовательно и не глядя на другой стол, протянул в его сторону руку. Там приподнялся и перелетел по воздуху небольшой кувшин с изящной скромной чеканкой. Глаза мага таинственно поблескивали, кувшин влип ручкой в требовательно растопыренные пальцы и замер.

Другой рукой маг открыл книгу, отыскал нужную страницу.

– Ну, koboldов, dwarfov и прочих цвергов опустим, – пробормотал он, – верно?

– Истинно, – сказал я подобострастно.

– Это хорошо... вас они интересуют не больше, чем прошлогодние листья... А вот это интересно...

Я зачарованно смотрел, как он бережно налил на столешницу жидкости, она образовала небольшую лужицу, на миг отразились камни потолка, почему-то очень близкие, затем заволокло чернотой ночи, мелкие звезды начали сбиваться

в кучу...

Маг тихо и внушительно произнес короткое заклинание. Лужица засветилась, продолжая растекаться по ровной поверхности тончайшим слоем. Появились тени, стали резче.

Я охнул, узнавая очертания города с высоты птичьего полета.

– Здорово...

Он отмахнулся.

– Пустяки.

– А что тогда не пустяки? – вскрикнул я. – Вы великий маг!

Он проворчал польщенно:

– Смотрите, смотрите.

Изображение смазалось, будто карту внизу с силой дернули в сторону. Появилась громада Великого Хребта. Замерев на секунду, словно показывая себя, вот я, Хребет, картинка быстро пошла в сторону, будто побежала по вершине Хребта, тот все уменьшался, наконец с двух сторон обступило море, но он упорно шел по воде еще много миль, пока волны не сомкнулись над его острыми вершинами.

– Здесь и живут огры, – сказал он.

– В воде?

– В Хребте. Той части, что опускается к воде.

– Почему там?

Он поморщился.

– Какие бы зверства им ни приписывали, но огры Гандер-

стейма живут почти исключительно ловлей рыбы. Ну и тем, что помимо рыбы вылавливают в море.

– Помимо рыбы?

Он поморщился.

– Кальмары, осьминоги, морские змеи и прочая гадость, больше похожая на исполинских жаб, чем на рыб. Хотя это вам неинтересно...

Он сделал паузу и взглянул коротко, словно пронзил меня дротиком, и я понял, что прикидываться дураком все труднее, прекрасно видит, что мне интересно. И даже то, что я не начал спрашивать, что такое осьминоги и кальмары, опытному человеку говорит о многом.

В колбе с синей жидкостью началось шевеление. Ньюбик, если это еще он, уже не зеленый, а золотистый, безуспешно карабкался по гладким стенкам. Маг следил за ним с ленивым интересом, ньюбик начал бросаться на них, колба сильно накренилась, но не упала. Ньюбик с трудом протиснулся на свободу, отряхнулся и расправил удивительно тонкие, почти прозрачные кожистые крылышки с четко выступающими толстыми жилами и мелкими косточками.

Маг произнес тихо что-то ласковое, я не расслышал, крохотный золотой дракончик подпрыгнул и, быстро-быстро махая крылышками, тяжело перелетел к нему. Сьюмас подставил ладонь, но дракончик промахнулся и бухнулся мордочкой на стол, обиженно раскрыл пасть с крохотными зубами.

Сьюмас сунул ему палец, дракончик ухватил передними лапками и начал жадно сосать.

– Кушать просит, – сказал маг растроганно, – никак не запомнит, дурашка...

Он сунул ему в пасть узелок из тряпочки, дракончик принялся сосать еще усерднее.

– А он не только родился? – спросил я.

Маг покачал головой.

– Нет, так омолаживается. Жаль, всякий раз меняется.

– Все равно, – пробормотал я, – что заводите нового щенка, в которого переселяется душа вашей старой умершей собаки.

Сьюмас посмотрел на меня внимательно.

– Верно. Приучать его что-то делать заново не приходится. И все его привычки я уже знаю наперед... Сейчас пробую на нем... и частично на себе, как бы нам научиться обходиться без сна!

Я пробормотал:

– Но... зачем?

Он посмотрел в удивлении.

– Как зачем? Вы словно еще не встали на путь мага... Хотя да, молодость, молодость... Если без сна, то могу работать день и ночь!.. Это же такое счастье – работать, узнавать, добиваться, находить новые пути, отказываться от старых, знать все больше и больше... Никакие удовольствия от обладания женщинами с ним не сравнятся!.. Хотя, признаюсь,

женщин тоже не избегал, еще как не избегал, за что и расплатился бесцельной потерей многих лет...

Его указательный палец почесывал спинку дракончику. Тот урчал, не отрываясь от соски, жмурился и тискал ее крохотными лапками.

Маг смотрел на любимца ласково, я поинтересовался:

– Он ближе к собакам или... к прочим?

– Все верно, – согласился Сьюмас, не отрывая взгляда от дракончика, – все животные делятся на подобных собакам и всех прочих. Но кому нужны прочие?

– Женщинам, – предположил я. – Мужчины заводят собак. Женщины... гм... все прочее. У вас эта стена теплее, чем та...

– Будет еще жарче, – обронил он равнодушным голосом.

Правая стена ощутимо накаляется, волна жара стала отчетливее, затем камень разогрелся до темно-вишневого цвета. Я начал морщиться, закрылся ладонями.

Сьюмас сказал сочувствующе:

– Ничем не могу помочь.

– Побочный эффект?

– Да.

– Но как... вы?

Он отмахнулся.

– Проще оказалось найти заклятие, чтобы не чувствовать этого жара.

В стене косматого огня появилось яркое оранжевое пятно

еще более жаркого пламени. С бешеной скоростью замелькали призрачные тени, я почти успевал увидеть какие-то образы, но запомнить не удавалось, хотя мозг моментально разогрелся от попыток ухватить и запечатлеть.

– Сейчас прекратится, – сказал маг успокаивающе.

– Жаль, – сказал я. – Это прекрасно.

Он покосился в мою сторону с изумлением.

– Находите?

– Ну, – сказал я, – это же как грозная музыка в стуче копыт, в фыркание разгоряченных коней, в гремящих и веселых голосах сильных и суровых людей.... Прекрасно!

Он поморщился, сказал кисло:

– Да-да, очень образно.

Оранжевое пятно расширилось до размеров тоннеля. Мельтешение призрачных теней стало жестче и настойчивее. Оранжевая плоть огня вздрагивала, то и дело возникали выпуклости, словно от локтей или кулаков. Сами тени стали четче, гуще, и все пытались, как мне почудилось, выйти в наш мир.

– А что они... – начал я и устрaшенно умолк.

Ровная стена с силой натянулась, я со страхом рассмотрел давящую с той стороны пятипалую ладонь размером с сиденье стула. Она становилась все четче, раздался хлопок, волна жара ударила в лицо. Лопнувшая стена огня сомкнулась, однако с той стороны в комнату с грохотом вышел закованный в латы древнего образца гигант в два моих роста и впя-

теро шире. Морды не видно из-за литого шлема без намека на прорезь для глаз, на левой руке щит странной формы, а в правой – жуткая помесь меча, топора и палицы.

Я застыл, как жаба перед удавом, а гигант нетвердыми шагами двинулся от стены. Нас он не замечал и ничем не интересовался, пол вздрагивает под тяжелыми шагами, стальные доспехи поскрипывают, как если бы десяток наковален терлись друг о друга, спина вся литая, непонятно, как он в такие доспехи влезает...

Он прошагал через зал наискось и ударился в стену напротив. Гранитные глыбы дрогнули, но гиганта не отбросило, как я ожидал, его рука с усилием вошла в стену из прочнейшего камня. Он навалился всем телом, вдвинулся, преодолевая сопротивление. Блеснули в ярком свете металлические плечи, последней исчезла пятка со шпорой в виде хвостатой звезды.

Жар начал спадать, оранжевое пятно превратилось в пурпурное, темно-вишневое, затем стена приняла обычный вид, но я теперь понял, почему в том месте голо, как в выжженной катаклизмом пустыне, ковров или гобеленов не напасешься.

– Как вы здесь работаете... – пробормотал я. – Ходят тут всякие, топают... отвлекают, наверное.

Он поморщился.

– Да, сперва мешало. Потом привык. К вам разве не залетают мухи?

– Муху могу выгнать, – возразил я.

Он отмахнулся.

– А я не стану даже гоняться. У мужчины всегда есть дела поважнее. Не так ли?

Я почувствовал себя пристыженным.

– Да, конечно, вы правы. Я бесконечно вам признателен за огров. Самому бы пришлось искать очень долго. А время и я берегу, хотя и кажется, что у молодых дураков его девать некуда. Так что огромное спасибо за оказанное младшему собрату внимание...

Прозвучала тихая и печальная музыка. Я насторожился, но маг и ухом не повел, я тоже решил не обращать внимания, а музыка некоторое время усиливалась, печаль нарастала, я отчетливо услышал скорбные женские голоса, затем все стихло.

Я поклонился сразу, как только оторвал зад от слишком гостеприимного стула, маг равнодушно смотрел, как я направился через огромный зал к далекому выходу. Я шел на этот раз быстро, всем видом поясняя, что и так слишком отвлек на себя, ничтожного, очень занятого великими делами человека, статуи молча провожали меня застывшими взглядами.

Ближе к выходу я обнаружил, что Сьюмас все-таки провожает меня, наверное, чтобы ничего не спер по дороге.

– По опасной дороге идете, – сказал он вдруг.

Я насторожился.

– Что вы имеете в виду?

– Зачем вам огры? – спросил он. – Ладно, не отвечайте. Уже ответили. Вы же маг, а все эти завоевания – такая ерунда! Даже молодые и пустоголовые могут понять, что магия может дать больше...

Я сказал с неловкостью:

– Это не для завоеваний... Не столько для них, как для порядка и закона. Позвольте превратиться в птеродактиля здесь? А то на краю бездны страшновато.

Он буркнул:

– Вы можете даже в падении... До земли еще далеко.

– Боюсь, – сказал я дипломатично, – вдруг на что-то загляну... я такой рассеянный! Спасибо вам.

Глава 8

Он хмуро смотрел, как я перешагнул черту, отделяющую его великолепный зал от прочего мира. Яркий свет исчез, я очутился в полной тьме, замер, страхась шевельнуться, и лишь спустя несколько мгновений сообразил, что просто вышел на уступ под открытое ночное небо.

Холодно, пустынно и торжественно, как часто бывает ночью, когда мирское уходит, а вечные звезды вот они, как и мертвецки бледная луна, холодная и равнодушная.

Мои растопыренные для прыжка и взмаха крыльями руки застыли, будто вокруг меня образовалась гигантская льдина. По небу, закрывая звезды, несется нечто как багрово пылающая скала, никакие крылья не должны бы удерживать в воздухе эту раскаленную гору, но чудовище мчится с легкостью, я с ужасом понял, что оно размером с двухэтажный каменный дом.

Не только воздух, само пространство сминается под взмахами его крыльев, даже звезды сдвигаются, это противоестественно, это чудовищно, когда вот так высоко над землей двигается по своей воле нерассуждающая мощь. Я смотрел, трепеща всеми фибрами, а они улавливали слепую ярость и злобу ко всему живому.

– Что за твари... – прошептал я пересохшими губами. – Они откуда? Неужели их гнезда в Великом Хребте?

Сьюмас вслед за мной вышел из пещеры, лицо недовольное, взглянул на небо. Словно повинуюсь его взгляду, стальной дракон изогнулся с легкостью, будто весь из шелка, легко взмыл выше и пронесся, как стрела, не двигая крыльями.

– Если бы на земле, – проговорил он задумчиво, – мы бы таких уже не увидели.

– Почему?

– Герои и охотники на драконов находятся всегда...

– Неужели и таких можно перебить?

– Перебить можно все, – ответил он.

– Но как можно жить, не опускаясь на землю?

Он пожал плечами.

– Мы многое еще не знаем о мире. Но сейчас мне пришла в голову мысль... Вы придете к ограм, а они вас сперва разорвут, а потом посмотрят, что именно разорвали. Вам не поможет ваше умение превращаться и в более крупных зверей. Вы можете даже стать крупной хищной рыбой и мешать им охотиться в океане. Но вам это надо?

– Не надо, – признался я и повернулся к нему. – А есть выход поумнее?

Он некоторое время молчал, бледное лицо стало еще бледнее, лунный свет заострил скулы и нос, а глаза упрятал в темные впадины.

– Конечно, – ответил он медленно, словно колеблясь, говорить или нет. – Вы остановились в королевстве Тиборре, причем – в стольном городе Тиборе. Не отпирайтесь, это за-

метно. Хотя бы по рукояти двуручного меча особой формы у вас за спиной. Там прямо за городом башня мага. Не слишком высокая, но вполне защищенная. Даже не ловушками, а отвесными стенами, гладкими, как стекло. Да, почти как здесь. Мысль, знаете ли, обычно выбирает проторенные пути. В той башне сейчас человек, которого мы с великим сожалением приговорили к смерти... Я вам помогу войти к ограм на равных и говорить с ними, не рискуя быть убитым, но вам придется оказать одну мелкую услугу.

– Слушаю, – произнес я настороженно, не люблю их оказывать, на самом деле это мне все люди на свете должны оказывать самые разные услуги, – если это по дороге...

Он буркнул:

– Магам все по дороге.

– Как мудро сказано, – сказал я льстиво. – Все мудрецы мира вообще-то идут плечом к плечу... если подумать. Хоть и в разные стороны. По рассеянности, видимо.

– Так то, если думать, – сказал он нетерпеливо. – Вам нужно будет... как бы это сказать, а-а, ладно, вам нужно убить тамошнего мага. Не беспокойтесь, я дам вам некоторую защиту, когда будете готовы.

Я посмотрел на него, перевел взгляд на звездное небо.

– Вот так просто прийти и звездануть человека? Ни за что, ни про что? Который мне даже на ногу не наступил?.. А почему не сами? Ах да, сил хватает, но грязную работу палача лучше переложить на других?.. Он чем-то мешает?

Сьюмас неприятно ухмыльнулся.

– Вы ошибаетесь, полагая, что я такой вот злодей, восхотел его убить и ограбить из каприза. Этот маг виноват, нарушил наши законы... А вы, не притворяйтесь, прирожденный убийца. Нет-нет, ничего обидного в этом нет, все люди – убийцы. Хотя и не все убивают. А вы убивали. И не раз, по вас видно. Хотя в этом взаимном истреблении есть смысл: если бы люди не убивали друг друга, земля бы переполнилась и лопнула, как переспелый арбуз...

– Такая тонкая кора? – спросил я.

Он хмыкнул.

– Вы, похоже, не удивились? Да, мы живем на тонкой корке, под нею бушует огненный океан, а в нем плавают огромные хищные звери. И когда стучаются головами или спинами о кору, что для них потолок, здесь земля трясется, рушатся целые города...

Я вздохнул, спросил осторожно:

– Какие законы он нарушил?

Маг зыркнул зло.

– Не важно. Это не вашего ума дело. Ну ладно... Он сейчас превратил пять человек в гарпий и куда-то послал. Тайно, ночью. У нас, магов Гандерсгейма, можно призывать хоть гарпий, хоть кого угодно, но превращать людей в чудовищ нельзя.

– Это нехорошо, – согласился я. – Хотя, конечно, некоторых стоит. Даже не ощутят разницы. А если иных женщин...

так и мы не увидим различий.

Он раздраженно отмахнулся.

– Хорошо или плохо – для простых, у магов другое. Людей нельзя, нарушим слишком многое... Вообще все может рухнуть, а зачем нам? И потому таких изгоняем. Я не знаю, что его заставило, но перестал всем отвечать и... словно закусил удила. Возможно, хочет стать властелином Гандерсгейма, дурак...

– Берусь, – ответил я с готовностью. – Такого убить мало. Самозванцев нам не надо!

– Вы с ним справитесь, – заверил Сьюмас. – И сможете подойти вплотную.

– Вы мне льстите.

– Ничуть. Я пробовал осмотреть вас...

Он умолк, я сказал хмуро:

– ...но ваша магия на меня не подействовала? Я тоже думал, что неуязвим. Но только вчера одна сволочь подчинила меня с такой легкостью, что я даже «мама» не успел хрюкнуть.

Он посмотрел очень внимательно, поежился, плотнее закутался в плащ.

– Вроде лето, а ночами холодно... Насколько я знаю, ничего такого особого нет.

– Но случилось же!

Он покачал головой.

– Сомнительно. Вы ничего не путаете? Расскажите, как

это было.

Морщась, я рассказал о своем позоре, когда моей гордости был нанесен тяжелейший удар. Он внимательно слушал, хмурился, кривился, а когда я закончил, вздохнул с некоторым облегчением.

– Фух, я уж думал, что в самом деле есть брешь...

– А что не так?

Он сказал снисходительно:

– Вы были в личине дракона, не так ли?..

– Все равно это был я!

– Не совсем, – отпарировал он. – Как я понял, и дракон вы еще не совсем... зрелый. Чуть погодя вы бы полностью проникли в его суть и плоть.

– И что, – спросил я с надеждой, – тогда бы не подействовало?

Он посмотрел почти с жалостью.

– Когда в теле человека, не действует же?.. Если все драконье будет для вас таким же родным, ваша власть над ним защитит так же, как защищает ваше людское. Удивительно, вы же умный человек, как не поняли...

– Это я потом умный, – пробормотал я. – На лестнице.

Он улыбнулся.

– Я так понял, вы одолеть сумели. Кстати, он все-таки обманул вас. Маги обычно не прибегают к помощи людей. Дело не в человеколюбии, просто это при внешней легкости пути к мощи – путь в тупик. Властвуя над людьми, можно стать

королем или императором, но не магом. Конечно, всегда находятся строптивные, не верят нашему опыту, пытаются проскочить по верхушкам... но, не останови его вы, он сам бы остановился, упершись в стену.

– Лишь бы раньше не поджег мир, – пробормотал я.

Он очень внимательно смотрел мне в глаза. Мне показалось, что, несмотря на его уверения в моей непошибаемости для магии, все-таки проникает в меня и роется в моих кишках.

– Вы правы, – произнес он. – Таких останавливать лучше как можно раньше. Беретесь?

Я ответил твердо:

– Берусь. Но только, не как благородный маг, а как...

Он перебил с улыбкой:

– В мире магов слово «благородный» ничего не значит. Если хотите польстить, то у вас богатый выбор синонимов к слову «мудрый». Можно даже в любой превосходной степени.

Я развел руками.

– Простите. Вот так и выдаю себя, я из мира других ценностей... но разве маги не первым делом укрепляют свои жилища? Высокие башни только для этой цели, а у вас пещера вообще на вершине недоступной горы... Как магистр позволил захватить свое укрепленное жилье? Или оно почему-то не укреплено?

Он покачал головой.

– Думаете, его ученик сильнее? Нет, он захватывал не снаружи, а изнутри. Усыпив бдительность учителя. Так что не беспокойтесь, он даже слабее Жакериуса. Тот все еще силен, очень силен.

– Спасибо, – пробормотал я. – Вы меня успокоили.

– Вы очень молоды, – произнес он, не отрывая от меня пристального взгляда. – Это значит, не сами получили свою мощь, как все мы... Похоже, вы не самоучка, как уверяете, а член некоего ордена. Люди, соединяя усилия, иногда добиваются удивительных результатов...

Он умолк, продолжая буравить меня взглядом. Я лихорадочно перебирал варианты, наконец стиснул волю в кулак, где наша не пропадала, попробуем приоткрыться:

– Вы правы, великий маг!.. Я человек могучей организации. И хотя не полностью разделяю ее идеалы и взгляды, но в данное время ее цели ближе всего моим представлениям о правильности.

– Что за организация?

– Церковь, – ответил я.

Он нахмурился, звезды потемнели, мелкие исчезли, а крупные светят едва-едва, словно мы оказались за пределами галактики. Лицо Сьюмаса стало резче, и тени глубже.

– Эти фанатики?

Я сказал торопливо:

– Старое и неверное представление. Слишком многие о Церкви думают неправильно.

Он поморщился.

– Ну, просветите, просветите...

В его потвердевшем голосе была издевка, я сказал быстро:

– Еще в старину Церковь разделилась на две равные половинки: католическую и ортодоксальную, именуемую также православной. Православная свято бережет все заветы апостолов, за что сама себя зовет апостольской, в посланиях апостолов не меняет ни буквы, ни звука, ни смысла, то есть твердо стоит на том, что сказал Христос. Католическая пытается вести человека через тернии к звездам, сама меняется, в ней кипят постоянные войны идей, возникают новые учения... Их называем ересями, если терпят поражение, или новыми ветвями христианства, если завоевывают право на жизнь... ну там кальвинисты, пуритане, гугеноты, протестанты... О православной ничего не скажу, да и говорить нечего, она все та же, что и тысячу лет назад, а вот католическая весьма гибкая, с нею можно разговаривать, обмениваться идеями... вы понимаете, к чему я?

Хмурый, он с враждебным видом покачал головой.

– Церковь, какая бы ни была, не приемлет магии.

– В чистом виде, – сказал я. – И если маг гребет все себе.

Но если для людей, Церковь смотрит иначе. Давайте я вам расскажу про то, чем занимается Церковь на самом деле, а не по слухам, которые разносят по базарам люди грубые, завистливые и невежественные...

Мы стояли под звездным небом, холодный ветерок начи-

нает промораживать даже кости, словно зимой, однако Сьюмас даже не поежился, слушает со скептической ухмылкой, но я рассказывал и рассказывал, выражение лица мага сперва стало нейтральным, потом заинтересованным, наконец он спросил с блестящими глазами:

– И это все реально?

Я сказал твердо:

– Клянусь!.. Вы сами можете проверить, паровые котлы работают!.. Разве у вас на чайнике крышка не скачет?.. Кстати, надо было бы нам по чайку, ну да ладно, как-нибудь в другой раз... И побегут по рельсам паровозы, вся трудность, как наделать много этих железных полос, когда металлургия в зародыше... Но и это проблема разрешимая, вы же понимаете. Паровые котлы можно установить везде, в монастырях разрабатывают разные варианты... Когда их поставят на крылья, люди смогут летать на больших закрытых телегах...

Он воскликнул:

– Все это чушь... но я не могу пока найти, где вы заблуждаетесь!

– Вы все можете проверить сами, – сказал я твердо. – Церковь сама занимается магией, но ее отличие в том, что каждый шагок к успеху не случаен, а понятен и объясним. И когда поднимаешься в гору знаний, то видишь, на что опирается твоя ступня. И потому каждый... вы представляете, каждый, а не Избранный!.. сможет стать таким вот магом, если сильно постарается.

Он снова сдвинул брови над переносицей.

– И что в этом хорошего?

– Чем больше людей идет искать, – ответил я, – тем быстрее находят. И быстрее бегут по новой дороге!..

Глаза его начали медленно угасать, из груди вырвался тяжелый вздох.

– Слишком амбициозно, – сказал он глухо. – Церковь собирается повторить весь путь Древних от самого начала? Уйдут тысячи лет...

– Может быть, сотни, – поправил я, – да и то не обязательно. Можно уложиться в несколько десятков, если знать, как и куда идти. Правда, исчезнут все эти загадочные тайны и кувшины с джиннами, на которые так падки дети и недоразвитые. Зато какие перспективы! Какое могущество впереди!

Он сказал хмуро:

– Вы на меня выплеснули слишком много... нового. Настолько много, что мне надо спокойно все обдумать и взвесить. Но я рад, что в отличие от других магов, не закрываю двери перед... гм... людьми. Эти существа так быстро развиваются, что иногда... удивляют.

Глава 9

Я превратился в птеродактиля, растопырил крылья и только тогда скакнул с каменного порога в черную бездну. Даже так на миг охватил ужас падения, хотя я лег всем телом на упругий воздух, как на прогретую солнцем воду тихого пруда.

Он уперся снизу, а я еще с перепугу замахал крыльями без всякой нужды, так бывает почти всегда – в критических ситуациях инстинкт перехватывает управление, взмыл к темным облакам и уже там, отдышавшись, взял направление к стольному граду Тибору, центру королевства Тиборра.

Варвары – молодцы, сумели привлечь огров к сотрудничеству, но во время похода в Сен-Мари им не хватило ума укрыть эти живые тараны в хорошую сталь. Или не сумели. Если заковать в доспехи, а их можно сделать в два пальца толщиной, такую сталь не прошибет ни стрела, ни меч, ни даже специальный топор для раскалывания рыцарских панцирей.

Армия с таким ударным отрядом не станет томиться в долгих осадах. Огры вышибут любые ворота, а то и проломают стену. Стоит двум-трем городам пасть, в остальных тут же начнут торговаться насчет почетной сдачи.

Но это я что-то далеко забежал. Ведь я абсолютно ничего не знаю об императорской армии. Возможно, слухи о ее мо-

щи преувеличены, но возможно и то, что значительно преуменьшены, и я понимаю трезво, что в ряде случаев я сам бы скорее преуменьшил, чем расписывал несокрушимость и стойкость.

Ветер настолько сильный и попутный, что я почти не чувствовал сопротивления, пока неся над темной безмолвной степью, замершей пустыней, оазисами и снова плодородными, но спящими до утра долинами.

Маги не блещут оригинальностью мышления. Или просто отмахиваются от прочих вариантов, если устраивает первый. Иначе трудно объяснить, почему селятся либо в высоких башнях, либо на вершинах гор, куда простым смертным просто не добраться, а другие варианты даже не рассматривают.

Холодные звезды с молчаливым презрением наблюдали, как я суетливо снизился, облетел башню, но ни сесть на купол с длинным острием, ни влететь в окно, их всего четыре по одному с каждой стороны, узкие и зарешеченные. Никаких зацепок, если не считать, что в самом внизу виднеется обычная дверь...

Мои лапы растопырились, как будто хватаю добычу, сел осторожно, как на болото, на земле вообще опасно, тем более – ночью, не то что высоко над облаками.

Минута беспамятства, я поднялся на задние конечности, что уже ноги, хотя несколько секунд воспринимал их исключительно, как лапы, торопливо обошел вокруг башни. Не так

уж и высока, на крыше на фоне мигающих звезд смотровая площадка, под нею на фоне серого камня мрачно темнеют узкие окна. Дверь – вот она, простая, классическая, никакого колдовства. Поднимаются внутри башни по винтовой лестнице...

Если бы не узкие окна, мелькнула мысль, я бы жилы порвал, но пролез бы. И уже через минуту был бы внутри...

Увы, поспешишь – людей насмешишь: и стражи такого беспечного подстрелить могут, как уже подстрелили в прошлый раз, когда от дракона летели клочья по закоулочкам, да и сам маг Гизелл, так его называл магистр Жакериус Глассберг, может пальнуть чем-то в наглую морду. А у него явно оружие посильнее, чем у городской стражи. Несмотря на то, что он всего лишь ученик, посмевавший сместить с трона великого магистра...

– Ладно, – пробормотал я раздраженно, – чем дольше думать, тем страшнее. Я же варвар, чего это я размыслился? К дождю, что ли...

Дверь заперта, но никто не сторожит, что больше тревожит, чем успокаивает. Магистр упомянул о «людях Гизелла», но если они и есть у его взбунтовавшегося ученика, то наверняка наверху заносят ему хвост на поворотах или метут перед ним дорогу.

Засов заскрипел, из широкой петли выползал с такой неохотой, словно тащили гиппопотама из болота. Я осторожно опустил его на землю, везде стоит мертвая тишина,

потянул за ручку двери. В башне пахнет сыростью, на стенах без всякого ветра пугающе колышется зеленая ветвистая плесень. Крутая лестница спиралью уходит вверх, плевать, я левша, могу щит нести и на правой, хотя сейчас без щита, зато могу подниматься быстро, как сытый барсук...

Дважды из стены стреляло стальными болтами. В первом случае я лег и прополз, в другом перепрыгнул. В самом деле ловушки все-таки надежнее, чем ставить людей, которых и опоить можно, и подкупить, и заманить промелькнувшей игриво внизу женщиной с бесстыдно задраным платьем...

Ступеньки плыли под ноги тихие и подозрительно спокойные. Я поднялся на самый верх, отворил дверь, отскочил, стараясь не попасть под лавину пыльных сумок, мешочков, связок трав. Пока все это катилось по ступенькам, я выждал, прижавшись к стене. Сапоги покрылись пылью задолго до того, как все затихло.

Наконец я осторожно заглянул в комнату. Не будь там вещей, она показалась бы просторным залом. Сейчас в этой забитой вещами очень даже просторной камерке можно двигаться только боком. Я осторожно ступил вперед, повернулся и втянул живот до самой спины, чтобы сделать еще шаг, а потом еще.

Больше не понадобилось, дальше очищенный от вещей уголок, захламленный стол, а за ним... Я вздрогнул.

Холод охватил меня, словно сверху обрушили цистерну ледяной воды. В глубоком кресле древний-древний старик с

желтым изжеванным лицом мертвеца держит в руках Ледяную Иглу, направленную мне в грудь. Палец уже на спусковой скобе...

Сам старик исхудавший, с седыми прядями волос, седой бородой и почти отсутствующими усами. Запавшие глаза смотрят тускло, сморщенный рот собрался в жемок, лицо похоже на печеную картофелину, темную и пожамканную, но Ледяная Игла, увы, не дрожит в его пальцах.

На плечах древнего старца роскошная накидка из толстой красной ткани, обшита золотой бахромой, а под ней еще и плащ потемнее, хотя отделка такая же, из длинных золотых нитей, похоже – маг, причем не из простых...

Он прошамкал, с трудом двигая морщинистым ртом:

– Стой там... кто бы ты ни был... или умри...

– Я стою, – сказал я поспешно, – стою. Видите, совсем не шевельнусь! Просто чурбан, кем я и являюсь на самом деле... редкостный просто, сами видите.

Он проговорил хрипло:

– Я знаю... кто ты...

Я весь на взводе, спросил торопливо:

– И кто же?

– Посланный меня убить, – прошептал он. – Я хотел тебя уничтожить еще возле башни... но потом...

– Разумное решение, – сказал я горячо, – я так люблю эти «потом», просто обожаю! Разумные люди не должны поддаваться первому желанию, оно всегда благородно, а должны

подходить более прагматично, мы же интеллигентные люди!
Я могу быть полезен, я угадал?

Он прошептал:

– Как много слов... Да, можешь. А награда превзойдет все твои ожидания.

– Что я должен делать? – спросил я. – Только скажите, господин Аменхотеп... Тьфу, привязалось же! Как вы отчетливо видите, я готов все сделать для вас. И даже больше.

На его сморщенном лице проступила гримаса, наверное, у стариков это улыбка.

– Еще бы... Но ты сделаешь не из страха, а за награду.

– Я готов, – сказал я, стараясь не представлять, как его палец чуть сильнее прижмет спусковую скобу, и ледяной удар превратит меня в замороженную глыбу. – Что делать, только свистните! Или кивните.

Он прошамкал:

– Совсем пустяк...

– Куда-то идти? Кого-то убивать?

Он чуть поморщился.

– Зачем... Все здесь... Просто доливать воды... совсем недолго... Только доливать...

Я переспросил с недоверием:

– Всего-то? Вы тот самый ужасный Гизелл?

Он криво улыбнулся, морщинистое лицо перекосилось в ужасной гримасе.

– Удивлен?

– Еще бы, – пробормотал я. – Я, вообще-то, дурак... И всякий раз попадаюсь.

Он прошепелявил:

– На чем?

– На всем, – объяснил я с досадой на собственную дурачность. – Когда-то в детстве, увидев пожилого серьезного дядьку, которого называли принцем Чарльзом, кричал со слезами, что это неправда. Мол, все принцы – юные мальчишки! Ну не мог я, чтобы мою светлую детскую мечту растоптали так безжалостно! Вам трудно поверить, но учеников чародеев до сегодняшнего дня считал подростками, не дурак разве? Сам знаю, что учиться можно начинать в любом возрасте, как и вообще всю жизнь учиться... а все-таки попадаюсь на стереотипах. Закостенелость мышления, да?

Он прошамкал:

– На стереотипах... Новое слово, хотя значение улавливаю. Жаль, могу не успеть узнать многое...

– Вам... плохо?

Он ухитрился чуть качнуть головой.

– Это называешь плохо? Это ужасно... Как видишь, мой час близок.

Я спросил:

– Тогда зачем? Зачем вы захватили эту... лабораторию?

Он зыркнул на меня почти враждебно.

– А чья она?

– Магистра Жакериуса, – ответил я невинно, – так гово-

рят... Но мне вообще-то все равно, я дарвинист.

Он поморщился.

– Да кто так говорит? Простому народу все равно, как зовут мага. Магистр Жакериус слишком неспешен. Он видел, что умираю от старости, но пальцем не шевельнул! Почему бы ему не помочь мне продлить жизнь?

– Возможно, – сказал я осторожно, – не умел?

Он покачал головой.

– У него было почти все для продления жизни еще на десяток лет. И все компоненты с великими трудностями добыл я! Осталось найти пару ингредиентов... Но он преспокойно собирался дать мне умереть...

– Нехорошо, – согласился я. – Но магистр весьма сердит. Вы отняли у него все. Вероломно.

– Знаю, – ответил он скрипучим голосом, закашлялся, я с надеждой смотрел на Ледяную Иглу, однако колдун все еще держит крепко, а ствол смотрит мне в грудь. – Сейчас он ничего не сможет, а как только я верну себе молодость, сам побываю в урочище Серого Вепря! И тогда уже он будет моим слугой...

Губы его мстительно кривились, глаза сверкали лютой злостью, а задышал с такими надсадными хрипами, что стержень Ледяной Иглы отклонился от цели, а потом и вовсе опустился к полу.

Я, уже не опасаясь смертельного удара, медленно подошел, стараясь не пугать резкими движениями, положил руку

ему на высохшее, как у пролежавшей под солнцем пару лет мертвой лягушки, плечо.

– Успокойтесь, успокойтесь... А чем поможет урочище?

– Его сердце там, – сообщил он.

– Сердце?

Он буркнул:

– Есть такой очень редкий и опасный способ. Когда стану моложе, доберусь... Именно потому я и захватил эту лабораторию, чтобы не просто продлить жизнь на жалкие десять лет, а вернуть вообще молодость! Шанс есть, есть... Я либо вот-вот умру от старости, либо рискну... тем немногим, что у меня осталось. Если получится то, что подготовил, то получу не жалкие десять лет, а верну свою молодость, свою силу, свой запас сил...

– Да, – согласился я с неловкостью человека, у которого в запасе и здоровье, и молодость, – это, наверное, хорошо... но все-таки как-то маловато.

Он посмотрел как на явного придурка, но ничего не сказал, лишь вздохнул, потом прошептал:

– Других путей нет... Если жив – у тебя есть все... если нет – ничего... А душа этого не приемлет.

Я сказал с невольным сочувствием:

– Но... почему же... Я знаю одного, умер, но живет призраком. И такое ему нравится.

Умиравший маг спросил с недоверием:

– Как это возможно? Быть призраком – хуже смерти... Так

говорят.

– Хуже смерти ничего нет, – возразил я. – А он теперь носится по свету, легко проходит сквозь стены, для него тысячу миль – один миг, видит все, что хочет, слушает, наблюдает...

– А прикоснуться?

– Этого не может, – признал я, – но для него это не такая уж и потеря. Как он говорит...

– Кем он был?

– Некромантом, – ответил я. – Причем не слишком... великим. Даже не крупным.

Маг сказал с недоверием:

– Это невозможно! Некроманты идут в ад.

– Этот носится по всему королевству, – сказал я. – Могу позвать, увидите сами...

Он сказал поспешно:

– Нет-нет, не сейчас. Я должен сперва осмыслить.

Тем не менее я тихохонько, чтобы не услышал Гизелл, позвал Логирда. В ответ тишина, я позвал громче, настойчивее, наконец уже сосредоточился изо всех сил, чего раньше не требовалось, сконцентрировался и послал четкий зов.

Увы, похоже, и Логирд ограничен в передвижениях, как тот же Подземный Вихрь или даже всемогущие демоны Юга. То ли здесь маги обезопасили свой Гандерсгейм, то ли защита действует еще со времен Древних. Кроме общего закона: магия Юга не может преодолеть барьеры Севера, а северная – защиту Юга, наверняка есть и региональные запреты и

просто закрытые зоны, как с различными уровнями допуска. Это не значит, конечно, что маги постоянно не пробуют защиту противника или просто соседа на прочность с разными новыми штучками и заклинаниями, но против старых защита срабатывает пока что без сбоев.

– Я сам был воином, – хрипло заговорил он с кривой усмешкой то ли презрения, то ли снисхождения к своей дурости. – Носился по землям с обнаженным мечом, рубил, грабил, насиловал... Только мне, в отличие от других, хватило и десятка лет, чтобы начинать понимать...

Он задумался, пожевал дряблыми губами. Я не дождался, спросил тихо:

– Чего?

Он прошепелявил беззубым ртом:

– Сам не знаю. Начало казаться, что этого мало. Десять лет, двадцать, тридцать... Если не погибну раньше, то так и буду до глубокой старости одно и то же?.. Двадцатая изнасилованная ничем не отличается от второй или третьей, а уж двухсотая...

– И что? – спросил я осторожно. – Магия?

Он кивнул.

– Да. Мне было сорок лет, когда я ушел из отряда Черных Беркутов, где из десятников уже стал сотником, а в сорок пять изучил первое заклятие. В пятьдесят мог составлять их сам, хоть и самые простенькие. Сейчас мне семьдесят, я на пороге великих открытий... но старость держит за

горло, дряхлость лишила силы, а смерть по ночам дышит в лицо. Я знаю, скоро не проснусь, смерть моя будет легкой, многие хотят такую, но я не готов! Мне так много надо сделать... Я все подготовил, но не успел упростить и увязать в одну цепь, чтобы все шло само... И, боюсь, не успею... Если поможешь, дам золота столько, сколько унесешь... Ты возьмешь мешок драгоценных камней, украшений...

– Спасибо! – вскрикнул я. – Приказывай, я все для тебя сделаю!..

Он опустил веки, слишком утомленный, с губ сорвался тихий шепот:

– Я дам тебе амулеты... Даже арбалет Гарракса, в нем всегда есть болты, а заряжать его можно мизинцем...

– Таких не бывает, – возразил я.

Он поднял веки, взгляд его уперся в стену за моей спиной. На простом крючке висит весь в паутине игрушечный арбалет, серый и невзрачный. Толстый паук на нем пеленает жирную муху, она жужжит и отчаянно трясет паутину. По деревянному темному ложу прилипшие, как комочки грязи, засохшие трупы мух и мелких жучков.

– Вот он...

Он умолк, совершенно обессилев, но хотя говорил совершенно искренне, все равно выражение его лица мне очень не понравилось, как и тон. Я намного чувствительнее местных, это простодушные варвары ничего не заметили бы, но я скотина подозрительная и подозревающая, сейчас киваю и рас-

крываю пошире глаза, не забыл и нижнюю челюсть расслабить, это ж какое счастье мне привалит за такой пустяк, как чуточку помочь в опасном опыте. И хотя он нечестивый, но когда перед носом крупная награда, то мы все враз демократы, Церковь – рассадник невежества, а экономика по праву рулит миром и отношениями.

– Что я должен делать?

Он указал взглядом в другую сторону.

– Видишь котел? Вытащишь из него все, что нападало, а взамен вольешь воду вон из того чана, что не совсем вода...

– А что?

Он чуть-чуть шелохнул пальцами, я понял так, что махнул рукой.

– Неважно. Потом поможешь мне забраться туда, в тот чан. Сам, боюсь, уже не сумею, даже такие борта для меня все равно, что крепостная стена...

– Все сделаю, – заверил я. – И все?

– Нет, – прошамкал он. – Вода закипит, но не обращай внимания, так надо. Твое дело следить вот за этой большой колбой. Вот это называется колба, понял? Видишь на боку отметины? Между ними едва втиснешь два пальца, но помещается моя жизнь... Колба соединена с котлом, видишь? Когда буду в нем, зелье в колбе тоже вскипит. Это пустяки, не обращай внимания...

Я спросил с недоумением:

– А на что обращать?

– Вот на эти черточки, – прошептал он и закашлялся сипло и надсадно. – Как только уровень жидкости пойдет вниз, зачерпни вот из этого чугунного чана и долей, но не слишком! Если плеснешь много, и зелье дойдет до верхней, я умру...

Я сказал испуганно:

– И я не получу золота и амулеты? Нет-нет, прослежу очень внимательно.

Он кивнул.

– Вот-вот, ничего не получишь. Более того, здесь все мгновенно сгорит. И ты тоже.

– Знаю, – сказал я.

Он спросил с подозрением:

– Откуда?

– У нас, – объяснил я гордо, – в племени тоже все исчезает со смертью шамана.

– Дальше, – продолжил он суровым голосом. – Уровень может и повыситься. Тогда зачерпни из медного чана, вот он, видишь?

– Да вижу, вижу.

– И тоже долей. Зелье будет кипеть, испаряться. Твоя забота – чтобы не выше верхней отметины, и не ниже нижней. Я не знаю, как долго продлится. Не знаю сколько раз будет повышаться и понижаться, но, надеюсь, зелья хватит.

Я сказал с сочувствием:

– Не думал, что и чародеи такие отчаянные. Вам бы все

так же скакать на горячем вороном коне и размахивать мечом! Вы ж орел степной...

Он огрызнулся:

– А у меня есть выбор?.. Храбрыми бывают и от безысходки. Все, не будем медлить.

Глава 10

Он разделся, я с брезгливой жалостью помог ему перебраться через в самом деле высокую для него стенку чугунного котла. Худое костлявое тело скрипит, я почти видел, как сыплется из него песок, но живот все равно выпирает, как толстая подушка, на боках толстые валики жира, а задница отвисает, как груди у старухи. Суставы при каждом движении скрежещут так звучно, что я пару раз невольно оглядывался на дверь. Сухие жилы страшно натягиваются под дряблой кожей, дышит престарелый маг хрипло и надсадно, красные набрякшие веки то и дело наползают на серые от старости белки с полопавшимися сосудиками.

Я усадил его в зеленоватую жидкость достаточно бережно, с облегчением убрал руки и незаметно вытер ладони о штаны. Горячий пар опалил лицо, я жмурился и думал, как ково ему там с изношенным сердцем. Единственная надежда, чародей знает, что делает и что его ждет.

Когда я вернулся к столу, зеленая жидкость в колбе начала подрагивать, со дна пошли серебристые пузырьки. Над котлом видна только запрокинутая голова. Чародей утомленно закрыл глаза кожистыми, как у старой черепахи, складками. На лбу медленно выступает испарина, начала собираться в мелкие капельки...

Я поспешно оторвал от него взгляд, мое дело следить за

алхимической аппаратурой. Жидкость уже потихоньку кипит, еще не бурно, однако надо быть наготове. На лице чародея мелкие капельки начали собираться в крупные. Одна сорвалась с места и побежала, захватывая другие внизу и набирая скорость.

Жидкость в колбе повела себя странно: пошла вверх. Я торопливо зачерпнул из медного, в котле уже пар, колдуна почти не вижу, но когда долил, пар чуть рассеялся, хотя вода кипеть начала еще сильнее. Донесся слабый стон, я дергался, надо бы как-то помочь старику, никак не выдавлю из себя гуманиста, но уровень в колбе начал то быстро расти, то падать, я зачерпывал и доливал, жидкость ведет себя непонятно, но, видимо, это не совсем кипение, человека уже не только сварило бы заживо, но и мясо начало бы отслаиваться от костей...

Испарина выступила уже и на моем лбу, а потом крупные капли пота начали шлепаться, как жирные тараканы, на стол. Руки заныли от постоянного зачерпывания то справа, то слева, глаза не отрывают взгляда от черточек на колбе, я ощутил противную резь в глазных яблоках, будто под веки попал песок.

В помещении стало влажно и жарко, как в бане. Я не знал, сколько прошло времени, но чувствовал себя выжатым, как лимон. Очень медленно жидкость в колбе начала успокаиваться, кипение прекратилось, последние пузырьки непривычно медленно и тяжело всплыли к поверхности.

Уже и не веря, что мои мучения кончились, я разогнул сторбленную спину. Жидкость в котле наполовину выкипела, стала тяжелой и маслянистой. Я всмотрелся, еще не веря глазам, ахнул. Опершись на стенку, на месте дряхлого чародея тяжело дышит молодой мужчина с иссиня-черными густыми волосами и решительным лицом завоевателя. Плечи широки, грудь с эффектно выпуклыми пластинами груди, живот скрыт в зелье, но что-то подсказывает, что дряблого и отвисшего брюха не узрю.

– Здорово, – проговорил я дрожащим голосом, – получилось все-таки...

Он закашлялся и открыл глаза. Под густыми черными бровями они блеснули ярко и остро, как у молодого орла. По лицу пробежала судорога, но я видел, как он стиснул челюсти и сделал отчетливое усилие, чтобы привстать, опираясь обеими руками за спиной о край котла, отчего вся группа трицепсов напряглась красиво и эффектно, работая на рельеф.

– Кто ты? – прорычал он с угрозой. – Почему я здесь?

Я сказал обалдело:

– Успокойся-успокойся! Все хорошо, все поют, а я вообще-то друг. Как-то нехорошо ты спрашиваешь...

– Почему я здесь? – потребовал он злым голосом.

– Ты разве ничего не помнишь? – спросил я. – Неужто с памятью анахарсис... анамнезис... в смысле, некоторые незапланированные, но ожидаемые потери... хотя и хрен с

ними...

Он выскочил из котла одним легким движением, лишь чуть коснувшись пальцами края, бросил быстрые взгляды по сторонам. Я понял, осторожно поднял, стараясь не делать лишних движений, его роскошный плащ и бросил нынешнему хозяину. Он легко поймал, быстро набросил на плечи и сразу несколько успокоился. Мужчина чувствует себя увереннее, когда одет, женщина – когда раздета.

– Я все помню, – бросил он угрюмо, – только почему я здесь?

– Колдовство, – сказал я.

– Это я вижу! С какой целью? Что ты от меня хочешь?

Голос его становился все резче, а взгляды, которые бросал по сторонам, подозрительнее и жестче.

Я сказал примирительно:

– Не надо искать здесь оружия. Я не враг.

– А кто?

Я спросил в свою очередь:

– Ты в самом деле ничего не помнишь?

Он потребовал:

– А что я должен помнить?

– Ну, – сказал я, – кто ты сам... Это не забыл?

Он воинственно выпятил нижнюю челюсть, голос прозвучал резко и надменно:

– Я – десятник клана Черных Беркутов Гизелл Шатерхенд – Твердая Рука!

– Ага, – сказал я ошалело, – ну да... как же иначе... Твердая Рука, надо же... Хотя мы думали...

Он сделал ко мне шаг, и хотя я выше на полголовы, но он не выглядит устрешенным моими размерами.

– Что не так?

– Все так, – заверил я. – Все еще как еще так... даже больше... Мы вообще-то думали, что будет иначе... а оно вон как...

– Кто думал? – потребовал он. – Что иначе?

Моя голова начала потрескивать под напором идей, их у меня всегда в избытке, богачом бы стал, продавая по медной монетке, я сказал торопливо:

– Мы – это ты и я. Ты сам это решил... Через год ты уже стал бы сотником... вернее, ты им стал... а теперь вот снова... Нет-нет, слушай внимательно!.. Получилось не совсем так, как мы с тобой рассчитывали, но так даже лучше... ага, еще как лучше!.. Кто сейчас правит в вашем клане?

Он ответил угрюмо:

– Вождь Команчero.

– Сколько ему лет?

– Пятьдесят. Но какое дело...

– Самое прямое, – заверил я. – Как только выйдешь отсюда, узнаешь, что за это время прошло сорок лет. Ваш вождь Команчero давно если не погиб, то умер от старости. Эта штука, из которой ты вылез, – котел омолаживания и даже частично омоложения. Там отвар из яблок гесперид и про-

чих афродизиаков, тебе знать не обязательно, не дворянское это дело. Ты уже умирал от старости, но уговорил меня попробовать тебя омолодить. Мы рискнули, и... получилось! Ты снова силен и молод!

Он огляделся, глаза сузились, я видел, как подергиваются мышцы, проверяя готовность к быстрой атаке.

– Ты... чародей?

– Гм, – сказал я, – еще какой! Можно сказать, Великий. Ну, почти. Жаль, что ничего не помнишь, ты бы сейчас лбом пол разбил от почтения перед моей мудростью и колдовитостью. Но если учесть, что ты умирал, то мы с тобой выиграли. Да, я великий и могучий чародей, я тебе вернул жизнь и молодость после того, как ты почти умер от старости и ужасных ран. Сейчас ты ведь силен?

Он сжал и разжал кулаки, передернул плечами.

– Превосходно.

– Удалось, – сказал я с облегчением. – Ну тогда все в порядке. У нас получилось. А теперь, дорогой Гизелл, можешь идти в чуточку новый для тебя мир. Ты можешь начать снова свой путь, а можешь выбрать любой другой. Иди, как говорится, иди-иди, и не грехи... слишком уж. Этот драгоценный плащ можешь взять себе. Это мой чародейский, но в честь завершения такого трудного колдовства я милостиво дарю его тебе. Золото и камешки на нем – простые, но драгоценные, смешно, правда? Можешь их продать и пропить.

Он проговорил с подозрением:

– Ты слишком щедр, чародей.

– Не волнуйся, – успокоил я, – плату я с тебя взял вперед. Мы учли, что если получится тебя спасти от презренной смерти от старости, то ты забудешь все, что было после тридцати лет. Сейчас ты молод и все помнишь, как мы с тобой убедились, что происходило с детства по сей день... примерно год тридцатилетия?

Он нахмурился, постоял мгновение с грозно сведенными бровями.

– Да, помню.

– Я рад, – сказал я искренне. – Так рад, что мог бы вообще не брать с тебя платы.

Он все еще осматривался с подозрением в глазах. Кулаки сжимались и разжимались, на груди вздулись и медленно опустились бугры мускулов, а по бицепсам еще раз прошла проверочная волна.

– Ты молод для чародея, – прорычал он.

– Мне восемьсот лет, – ответил я снисходительно. – Даже не помню точно, то ли восемьсот двадцать, то ли восемьсот тридцать, кто считает такие мелочи? Мне-то жить еще пару тыщ, а потом возьму и профениксусь, чтобы из пепла... Но если ты решил по дурости, что я слаб, могу тебя переубедить. Хочешь попробовать?

Я отступил на шаг и смотрел на него с приглашением сделать первый удар. Он уставился в меня, что-то в нем осталось от прежней пронизательности, да иначе бы и не стал

впоследствии магом, медленно покачал головой.

– Верю. За восемьсот лет даже маг научится драться.

– Верное решение, – сказал я.

Он еще раз смерил меня оценивающим взглядом.

– Ладно, я пойду. Интересное у тебя жильё...

– Мне оно тоже нравится, – ответил я.

– Хламу только много.

– Да вот за восемьсот лет накопилось, – сообщил я. – Ничего, как-нибудь разберу... лет через сто. Или двести.

Шаги его медленно затихали внизу на лестнице, я перевел дыхание, сердце все еще колотится о ребра, словно боится, что свирепый варвар Гизелл вернется и, учинив допрос с пристрастием, тут же поймает на брехне.

Ночь никак не отступит под натиском рассвета, хотя я вроде бы вечность колдовал с омоложением престарелого чародея. Луна светит ярко, я выглянул из окна и рассмотрел внизу крохотную человеческую фигурку. Гизелл вышел из башни, огляделся и быстрыми шагами направился в сторону городских стен.

– Удачи в новой жизни, – сказал я с облегчением. – А мы тут пока помародерничаем по праву... Ну, кто победил, того и право.

Хотя раньше это захламленное помещение принадлежало магистру Жакериусу Глассбергу, но я отнял у Гизелла, тот что-то да успел перестроить, потому я в полном праве гра-

бить, то есть – экспроприировать с чистой совестью.

К тому же, для магистра важнее вернуть власть, на пропажу каких-то мелочей и внимания не обратит, да и на Гизелла спихнуть можно, так что все путем, вон те штучки я точно возьму с собой, да и эти весьма и весьма...

Еще один халат Гизелла висит на стене, такой же тяжелый, разрисованный хвостатыми звездами, астральными знаками, неизменными рунами, как же без них, а еще с амулетами на цепочках.

Я снял, встряхнул, прислушиваясь к звону в карманах, снял амулеты, сперва выбирая покрасивше, потом остальные, а напоследок переложил к себе тонкую цепочку из серебра с рубином чистейшего огня в виде головы дракона.

Арбалет старается выглядеть незаметным, да еще и паутиной прикрылся, я смахнул ее с отвращением, все равно это странное оружие выглядит несерьезно, словно тщательно выполненная детская игрушка. Я сдернул с крючка, охнул, прогнувшись с ним едва не до пола, эта штука показалась весом с наковальню. Хотя на самом деле не так уж и тяжело, все от неожиданности, но все же весит, как полноценный арбалет. Правда, в рукав и с такими размерами не спрячешь, но перевозить можно в мешке, никто не заметит, и нетрудно пронести незаметно под полой плаща...

Для натянутой тетивы предусмотрены три канавки, тоже непонятно, кому понадобится стрелять в треть силы? Даже полного натяжения обычного арбалета чаще всего не хвата-

ет, чтобы пробить стальной панцирь на расстоянии больше, чем в сорок шагов, а тут этот непонятный выверт...

Зато, я не поверил глазам, в полем прикладе уютно устроились три стальные стрелы. Тетива натягивается двумя способами: рычажком и колесиком, диаметром чуть больше серебряной монеты. Чтобы натянуть этим рычагом, надо или обладать силой Геракла, или насаживать на штырек трубу добавочного рычага длиной локтей в пять... Колесико тоже можно покрутить разве что вхолостую...

Озадаченный, я взялся за рычажок, пальцы ощутили сопротивление, я потянул на себя, он противился, но все же сдался и нехотя позволил натянуть тетиву сразу на третье деление.

– Вот так просто? – пробормотал я. – А дальше стола стрела улететь сумеет?

Я вложил стальной болт в желобок, стрела странно тяжеловата, словно наполнена ртутью, прицелился в стену и нажал на спуск. Тетива щелкнула поверх стрелы, та осталась на месте. Я фыркнул, взвел снова, получилось уже быстрее, с силой нажал на спуск. Стрела не сдвинулась, а тетива мгновенно застыла в свободном положении.

Разочарованный, я попробовал взвести ее колесиком, получилось чуть медленнее, зато без всяких усилий. Выстрелил еще раз, но стрела все так же дремлет в желобке, а тетива с готовностью щелкнула впустую.

– Ну и пошел... – сказал я грубо, хотел повесить арба-

лет на место, но передумал и сунул в вещевой мешок. — Кому-нибудь подарю... та-а-а-к, а эти штуки мне что-то напоминают...

По спине пробежал недобрый холодок, шкура раньше меня узнала литой штырь Ледяной Иглы, вот здесь рукоять, здесь вот спусковой механизм, хотя его можно ощутить только на ощупь... А на полке еще три этих ужасные штуки...

Я взял одну и взвесил на ладони, тоже тяжеловата, словно заключенная в нем злая энергия спит в виде вещества.

Сердце затрепетало, забилось чаще. По спине пробежал холод, вздувая шкуру пупырышками. Прекогния или что-то еще проснулось и криком кричит о стремительно надвигающейся беде... но не говорит, куда прятаться и что делать.

Глава 11

Мир дрогнул, загремел, пол под ногами качнулся. Левая стена разлетелась с грохотом. Страшное звездное небо неожиданно и резко возникло на фоне огромного проема, куда прошла бы четверка коней. Человеческая фигура показалась мне гигантской, но когда резко шагнула, почти ворвалась в комнату, я с некоторым облегчением узнал магистра Жакериуса.

Вид его был ужасен. Глаза метали молнии, а наэлектризованные волосы встали дыбом и шевелились, как змеи. Я застыл с Ледяной Иглой в руках, ужас заморозил внутренности, нижняя челюсть начала подрагивать, а зубы легонько застучали, словно орехи в коробке.

– Как ты посмел! – грянул он страшным голосом.

Я вскричал торопливо:

– Я все сделал, великий магистр!

– Что?

– Город теперь ваш, – заверил я льстиво. – Вам даже не пришлось самому стараться его свергать, как вы собирались...

– Ты влез без разрешения!

– Но я все сделал за вас, – пролепетал я. – Я сэкономил вам время и усилия... Лаборатория теперь ваша! Вы снова хозяин города!

Он прыгнул в сильнейшем гневе:

– Ты не убил предателя!

– Можно сказать, что убил...

Вокруг него загорелся воздух, он шел на меня страшный и обрекающий, мир дрогнул от его ужасного голоса, более страшного, чем глас Смертного Суда:

– Ты его отпустил, изменник!

Я закричал в страхе:

– Он пошел уже убитый!.. Вашего ученика в живых больше нет!..

– Негодяй, ты его отпустил!

– Его уже нет, – возразил я, – ушел совсем другой человек... Он не маг вовсе, это простой десятник кочевого племени... глупый и безвредный.

– Разыщу и убью, – проревел он страшным голосом. – Но сперва убью тебя!

Он вскинул руки, ладони опустил и направил пальцами в мою сторону. На кончиках зазмеились молнии, а я как держал Ледяную Иглу направленной в его сторону, так и стиснул в ладонях. Штырь коротко блеснул и растаял в моих пальцах.

Магистр вздрогнул от сильнейшего удара в грудь. Глаза открылись в сильнейшем изумлении, ледяная корка покрыла его с головы до ног. Я собрался шагнуть ближе, однако его фигуру окутал шипящий жаркий пар, донесся задыхающийся голос:

– Ты... не сможешь... зато я...

– Да я не враг! – закричал я.

– Теперь... враг...

Я быстро ухватил со стеллажа другую Ледяную Иглу. Из пара проступила фигура магистра, я торопливо стиснул и этот штырь. Снова в пальцах пустота, со стороны магистра донесся легкий вскрик, скорее, от неожиданности, а я на всякий случай ухватил третий металлический прут.

Пар рассеялся еще быстрее, я выстрелил, магистр застыл на самый краткий миг, а я как можно быстрее ухватил последнюю Ледяную Иглу и выстрелил в четвертый раз.

Магистр встретил колдовскую стрелу на полдороге, она разлетелась сотнями мелких кристалликов льда, а он смотрел на меня неотрывно, на губах появилась кровожадная улыбка.

Я глазами искал Костяную Решетку или что-то еще знакомое, в паникующем мозгу замелькали картинки, как отсюда убежать, а рука бездумно выхватила из ножен меч, и я быстрее ветра метнулся к магистру.

Острая полоса стали ударилась со звоном... я не поверил глазам, но у магистра в руке точно такой же меч, его лезвие перехватило мой удар совсем близко от злого лица.

– Не ждал?

– Магистр, – сказал я торопливо, – давайте все уладим!

На его губах змеилась торжествующая усмешка.

– Да, конечно.

– Ну вот и хорошо...

– Уладим, – сказал он, – по моим правилам.

В глазах полыхает бешенство, я понял, что сейчас убьет, надавил, однако магистр отжал с пугающей легкостью. Я отпрыгнул, избегая удара, начал наносить удары справа и слева, магистр отражает чересчур легко, безумная ярость на лице сменилась насмешливым превосходством, в глазах теперь презрение и нечто вроде желания продлить мои мучения.

Руки мои заныли от усилий навязать сверхтемп, раньше помогало, сейчас измотался сам, начал отступать, но и на лбу магистра выступили мелкие капли пота, а лицо покраснелось. Я чувствовал, что начинает уставать, из последних сил ускорился, а когда тот раскрылся на долю секунды, уже я со злобным торжеством всадил меч в середину его груди.

Плоть затрещала, словно сильные руки рванули пополам толстое суконное одеяло. Хрустнули кости грудной клетки, стальное лезвие погрузилось на половину длины. Я чувствовал по натяжению, как прорвало на спине одежду и высунулось с той стороны.

Магистр вздрогнул, глаза его расширились. Некоторое время смотрел непонимающе на меня, опустил взгляд на торчащую из груди крестообразную рукоять.

– Ты... – проговорил он хриплым голосом, уже лишенным ярости, – чересчур хорош...

– Да, – согласился я любезно, – полностью согласен с вами.

Он тяжело дышал, я наконец разжал пальцы, но магистр не рухнул, а остался передо мной с вызывающе торчащим из груди мечом. Я не двигался, поспешно приводя в порядок частое дыхание и успокаивая бешено стучащее сердце.

Он наконец оторвал взгляд от моего лица. Тревога стиснула мне грудь, когда снова медленно посмотрел на меч, так же неспешно повернулся вокруг оси, будто для того, чтобы вся комната увидела торчащую из груди рукоять, а окровавленное жало клинка – из спины.

– Ты хорош, – повторил он, когда повернулся ко мне лицом, – в самом деле хорош. Теперь можешь забрать свой меч. Милостиво разрешаю. Красиво умрешь с клинком в руке.

Я ответил сдавленным голосом:

– Валгалла не для меня.

– Ты уже не воин?

– Я умный воин, – сообщил я. – И вообще, мне там меч нравится больше. Красиво даже. Эта деталь как бы на месте.

– Красиво смотрится, – согласился он уже полностью контролируемым голосом, – но, боюсь, не смогу его там оставить. Он будет иногда мешать... особенно, когда я потащу в постель твою женщину... и буду ее терзать, наслаждаясь ее слезами и криками о помощи.

Я отступил на шаг, пропустив пассаж про несуществующую мою женщину, и смотрел неверящими глазами, как его рука ухватила за рукоять и тянет на себя меч. Лицо дрогнуло, выдавая боль, но в глазах злое торжество разгоралось все

ярче, словно затухающий костер под порывами ветра. Лезвие выходило окровавленное, но одежда на груди испачкалась совсем чуть, а когда вытащил клинок целиком, кровь не хлынула струей, как должна бы, хотя и разрез на халате не затянуло, как я уже подспудно ждал.

Он отшвырнул меч, тот запрыгал по каменным плитам и затих у дальней стены.

– Ты глуп, – прозвучал обрекающий голос магистра, в котором снова появились страшные нотки ярости. – И не знаешь, что я – бессмертен!

Рядом со мной жуткий пролом в стене, вызванный появлением магистра. Массивные глыбы оплавлены, потемневшие края еще дымятся, по ним ползут, быстро застывая, коричневые потеки.

Я прыгнул в равнодушное звездное небо без разбега, падал вниз головой, а в голове дурацкая мысль: когда это я меч успел схватить, и почему мешок за спиной уже давит на затылок...

Инстинкт панически вопил, чтобы немедленно стал птеродактилем... да чем угодно, хоть летучей мышью, только бы расправить крылья до того, как шмякнусь о камни и растекусь жидкой дрянью с обломками костей вперемешку.

В башне раздался дикий крик, уже нечеловеческий, а я, почти чиркнув мордой по земле, пронесся над нею и, не успевая набрать высоту, метнулся между грудями огромных камней, домчался до следующей насыпи, где камни покруп-

нее, нырнул за них, а совсем рядом исполинский валун разлетелся с оглушительным треском, с визгом полосуюя воздух скальными осколками.

Я пробежал на четвереньках, волоча крылья. За спиной грохнуло и обдало волной жара, торопливо проскочил между неопрятными темными валунами, покрытыми странным мхом, дальше еще руины, в самом конце я рискнул взлететь, на уровне гребня оглянулся, очень вовремя: магистр стоит в зияющем проломе и держит у плеча некое оружие.

Кляня себя за дурасть и что сам не отыскал эту штуку, я поспешно нырнул вниз, укрываясь за каменным выступом. Гранитный гребень вздрогнул и с визгом разлетелся вдребезги. В воздух взлетели осколки камня, земли, ветки кустарника, комья с белесыми корнями...

Я в панике несся над самой землей, не соображая, что ему с высоты пофигу, все равно не укроюсь. К счастью, я еще и бросался из стороны в сторону, как дурацкая бабочка, но как раз бабочек птицы и не могут ловить из-за их непредсказуемого полета, в то время как быстрых стрекоз и точных жуков хватают моментально и без промаха...

Удары все еще сотрясали землю, но все реже и реже. Я несся, иногда даже задевал мордой землю, пока не показался кустарник, но и тогда я изображал стрижа над поверхностью озера, чиркая пузом по верхушкам. В конце концов влетел в мелкий лесок и затаился под разлапистыми ветками, страстно надеясь, что либо маскировочная окраска спасет, либо

убойная дальность Ледяных Игл и прочей дряни не так уж и бесконечна.

Ночью деревья выглядят огромными и страшными, среди ветвей что-то хищное скрипит зубами и царапает кору когтями, но к утру погасли светлячки, между деревьями посветлело, мир стал добрее и безопаснее.

Отдрожавшись, я осторожно выбрался из леса, от страха весь из себя незримик до такой степени, что уж и не знаю, кто меня увидит.

В спину дул порывистый ветер, я вышел на дорогу, мелкие караваны везут в город мясо, рыбу, сыр и молоко. Погонщики мулов оглядываются, указывают пальцами на исполинскую грозовую тучу, под тяжестью которой прогибается горизонт. Она так целеустремленно ползет в нашу сторону, что я уже поверил в близкий дождь, редкость в этих краях.

Никто особенно не обратил на меня внимания, беспечно живут, но на подходах к дворцу я вышел из незримости, все равно продвинутая стража заметит, а это чревато. Лана-яна не видно, но почти такой же блестящий латами и начищенными поножами его сменщик коротко и умело разводил стражей, меня караулы.

Я прошел через боковые ворота, стражи только смерили меня угрюмыми взглядами. Но по дороге через сад из-за роскошных декоративных деревьев окликнул насмешливый холодный голос:

– После ночных подвигов в постели прачки герой возвращается набраться сил?

Принцесса Элеонора, прекрасная, как звездное небо в лунную ночь, вышла на аллею с букетом цветов в руках. Я залюбовался на ее слишком красивое вплоть до невестребованности лицо, в темных глазах вечный вызов и одновременно странный зов, такое дано услышать очень немногим.

– Зато не убиваю цветы, – огрызнулся я. – Им же больно!

Она поморщилась.

– Я указала садовнику, чтобы срезал слабые, они забирают соки у сильных. Иначе погибнут те и другие.

Я буркнул:

– Разумно. Кстати, я тут какую-то хрень подобрал. Думаю, не ваша ли?

Она нахмурилась, когда я раскрыл вещевую сумку, но оттуда ударил неистовый блеск драгоценных камней. Она невольно ахнула, глаза расширились, а дыхание замерло в груди. Я видел, как ее замороженный взгляд перебирает сокровища, затем рука ее резко метнулась вперед, пальцы выхватили рубин в виде головы дракона. Тонкая цепочка заструилась по пальцам, как почти незаметная струйка чистой воды.

– Что это?.. Это же Камень Рортега!

Я кивнул.

– Да, я так и подумал. Рад, что сумел вам вернуть.

Она подняла голову, на лице сильнейшее потрясение, в

глазах буря, я наслаждался, видя, как тысячи выражений сменяют друг друга.

– Где вы его взяли?

Я посмотрел на нее, как на красивую дурочку.

– Как где? Вы же сами мне указали башню мага! Вернее, я сам про нее спросил, больно красивая, а вы наябедничали, что тамошник у вас спер эту штуку, а вы его не успели прибить за такую наглость... Вот я и того, мимоходом заскочил, все и всех побил, порушил, это я просто обожаю, ломать так интересно, как-нибудь попробуйте крушить все в комнате... лучше в чужой – красотища! А эту штуку захватил для вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.